

18+

ЕВГЕНИЙ ДАНИЛЬЧЕНКО

ДУХ

МОЙ ОПЫТ ВЫЖИВАНИЯ В АРМИИ

Евгений Данильченко

**Дух. Мой опыт
выживания в армии**

«Издательские решения»

Данильченко Е.

Дух. Мой опыт выживания в армии / Е. Данильченко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746546-9

Книга рассказывает о дедовщине в армии. Она не ставит своей целью просто показать все ужасы дедовщины. Цель — рассказать, откуда дедовщина возникает, почему она такая живучая и какое значение это имеет для общества. Она рассказывает о разных людях, о том, как они меняются под воздействием обстоятельств. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-746546-9

© Данильченко Е.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
Глава 1. Кафедра	6
Глава 2. Сборный пункт	9
Глава 3. Купцы	13
Глава 4. Первый день	19
Глава 5. РМП	27
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Дух

Мой опыт выживания в армии

Евгений Данильченко

© Евгений Данильченко, 2024

ISBN 978-5-4474-6546-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Глава 1. Кафедра

Экзамен в военном училище.

Преподаватель:

– Из чего сделана пуля?

Курсант, заглянув в шпору:

– Из железа.

Преподаватель, заглянув в шпору:

– Правильно! А из чего сделан гвоздь?

Курсант, заглянув в шпору:

– Из железа.

Преподаватель, заглянув в шпору:

– Неправильно. Из того же металла.

Старый анекдот

Началось все на втором курсе института. Я, как и вся мужская половина нашей группы, попал на военную кафедру. В главном корпусе института за большими красными дверями с двуглавым орлом скрывался свой отдельный мирок – армия со своим дежурным, дневальными, классами боевой подготовки, со своими замполитами и прапорщиками, с жизнью по расписанию и специфическим армейским языком.

Из веселых и непоседливых студентов военная начальники сразу принялись лепить стадо одинаково стриженных и одинаково одетых солдат. Занятие это изначально было мало перспективным ввиду специфичности студенческого люда. Военные этого признавать не хотели, поэтому очень злились на студентов. Нас строили, нам выносили замечания, угрожали выгнать с кафедры, но снова и снова мы приходили на утреннее построение с большим опозданием, с длинными волосами и одетыми в джинсы. Без особого энтузиазма мы слушали, чем отличается устройство российской армии от американской, заполняли тетрадку со специальными военными топографическими знаками, засыпая на ходу, учили тактико-технические характеристики различных видов армейских вооружений и ходили строевым шагом на заднем дворе главного корпуса института.

Пытаясь заставить нас проживать один день в неделю по законам армии, офицеры военной кафедры забыли, что сначала нам нужно было внушить уважение к самой армии, дать нам почувствовать гордость за то, что мы будущие офицеры великой Российской армии, будущие защитники родины. Вместо этого на нас по поводу и без повода кричали, строили, и очень сильно материли. Военные производили на нас впечатление людей очень ограниченных и невоспитанных. Армейский мат, казенная армейская речь сильно резали нам слух, что не добавляло уважения офицерам.

Большую часть занятий проводил один майор. Он был очень нервный и строгий. Постоянно заставлял всю роту стоя слушать его лекцию, стоило ему только услышать какой-нибудь посторонний шум в аудитории. Во время его лекций мы узнали, что СССР развалили империалисты, что Ельцин продал нас с потрохами Западу, что при Сталине был порядок, что единственный человек, который спасет Россию – это Зюганов. А вот по своей военной специальности мы так толком ничего из его уст и не услышали. Конечно, у каждого человека есть право иметь свою точку зрения на историю своей страны. Определенно, в советское время ему жилось слаще, но только вот во многом из-за таких как он, который не хочет готовить специалистов, а только занимается демагогией, вся эта самая система и рухнула.

Одним словом, четверг, день военной кафедры, был сущей каторгой для меня и других моих сокурсников. И терпели все этот день по одной простой причине – никто не хотел идти служить в армию солдатом – слишком часто мы слышали про дедовщину из средств массовой информации и из уст отслуживших, никто не хотел терять лучшие годы жизни в армии.

Весной я пошел на обязательную медицинскую комиссию в районный военкомат. В военном комиссариате отношение к призывникам такое же наплевательское, как и во всей армии. В душном, плохо освещенном коридоре, простояв на ногах в очередях около пяти часов, надлежало пройти разных врачей. Стоматологи, психотерапевты, отоларингологи и хирурги должны были оценить твое физическое состояние и годность к несению службы. Самым последним врачом всегда был хирург. Он внимательно осмотрел меня и направил на обследование в больницу, чтобы я сделал рентгеновские снимки позвоночника. Это никак меня не удивило, потому, как я с детства знал, что у меня есть небольшое искривление позвоночника и иногда спина у меня побаливала так, что приходилось полчаса – час лежать на животе, чтобы боль ушла.

Через неделю с рентгеновскими снимками в руках я уже стоял у кабинета председателя медицинской комиссии.

– Можно войти? – спросил я, постучав предварительно в дверь.

– Заходи... – скривившись, ответил мне один из врачей, очень недовольный неуставным словечком «можно». – Раздеться до трусов и встать в центре на коврик, руки по швам.

Несколько минут врачи внимательно изучали мою медицинскую карту и снимки позвоночника.

– Одевайтесь, – сказал мне председатель комиссии. – Значит так, юноша, мы изучили ваше дело и обнаружили, что у вас кифоз. С таким заболеванием в армию не положено. К несению службы вы не годны. Я бы мог вам и сейчас выдать военный билет, но списки призывников, не годных к службе, мы уже подали, поэтому вам придется подождать еще год до следующей комиссии. Но для вас ведь это не критично, вы же и так учитесь в институте и у вас отсрочка? Так ведь?

– Да, – плохо скрывая свою радость, ответил я.

– Ну, вот и ладно. Придете через год в это же время. Следующий!

Я испытывал смешанные чувства. С одной стороны я радовался, что мне не придется служить, не придется тратить пару лет своей жизни на армию и ходить на военную кафедру. С другой стороны, я был так воспитан, что любой уважающий себя молодой человек просто обязан был послужить в армии, чтобы стать настоящим мужчиной и защитником Родины.

Но в армии я все же не очень хотел служить. Поэтому на следующий день я бросил военную кафедру. Какой теперь от нее был толк, если я не годен для службы?

Через год, как мне и сказал председатель комиссии я со своими снимками снова пришел на осмотр. Оказалось, что за год снимки устарели и нужно делать новые. Вдруг у меня все прошло и позвоночник стал прямым? Снова поход в больницу за новыми снимками. И снова те же слова председателя: «Вы не годны. Я мог бы вас сейчас освободить от службы, но списки уже поданы. Приходите через год, а лучше всего после института. Все равно ведь пока вы учитесь, вас никто в армию не заберет».

Так я и поступил. Осенью 2002 года, получив повестку в военкомат, абсолютно спокойный и уверенный в том, что армия мне не грозит, заранее сделав новые снимки, которые подтвердили мой диагноз, я явился на комиссию.

Все тоже врач, тот же председатель комиссии внимательно изучив мои снимки, объявил, что к службе в армии я годен. «Ограниченно годен» – пояснил он.

– Как же так? Вы же сами говорили ранее, что с моим заболеванием меня в армию не берут! – почувствовал я ком в горле.

Но комиссия и слушать меня не хотела. Ограниченно годен к строевой службе и точка!

Я испытал настоящий шок. Меня заберут в армию? Но у меня же были другие планы, мне работать нужно, строить свою жизнь. Я был очень возмущен такой несправедливостью со стороны медицинской комиссии. Ведь у меня же были снимки, я ведь не стал за эти годы более здоровым.

Решив разобраться в этом вопросе, я обзавелся так называемым «расписанием болезней», которое представляло из себя список болезней, по которым в армию не берут. У каждой болезни были четкие признаки и параметры. Сравнив анамнез к моим снимкам и данные расписания болезней, я обнаружил точное совпадение двенадцати из тринадцати признаков. По всем параметрам мое заболевание подходило под описание, изложенное в этом справочнике. Кроме одного параметра. Оказывается, мне нужно было каждые полгода обращаться в больницу с жалобами на свою спину и получать соответствующие справки. Такие обращения у меня были, но за всю свою студенческую жизнь я обращался к врачам с жалобами на боли в спине только два раза, а этого было мало, чтобы признать меня негодным к несению службы. Вот и получалось, что с формальной точки зрения комиссия была права. Несмотря на никуда не исчезнувшее искривление позвоночника, никуда не исчезнувшие боли и неоднократно ранее звучавшие заверения председателя комиссии, что для армии я не гожусь, следующий год своей жизни мне предстояло отдать служению родине.

«Ограниченно годен» лишь немного облегчало мне службу – я не мог служить в каких-нибудь частях с большой физической нагрузкой. Меня не могли взять служить десантником, танкистом или морским пехотинцем. Мне предстояло служить где-нибудь попроще, вроде пехоты, войсках связи или стройбате.

Возмущенная таким решением медицинской комиссии моя мать пыталась препятствовать моей службе, не хотела отпускать меня в армию. Но я уже смирился с тем, что буду служить. Мне казалось, что самой судьбой мне специально уготовано пройти армию, чтобы, наконец, стать настоящим мужчиной, возмужать, поверить в свои силы и преодолеть свои комплексы.

27 ноября 2002 года вырвавшись из рук своей матери, я отправился в военный комиссариат. Собрав немногочисленную партию призывников в актовом зале, военный комиссар прочитал нам дежурную лекцию о патриотизме, пожелал удачи и вручил военные билеты с предоставленной датой призыва на военную службу. Фактически в этот момент пошел обратный отсчет до моего дембеля. После этого всех призывников под крики и плачь родственников посадили в автобус и отвезли на сборный пункт.

Глава 2. Сборный пункт

Серое, мрачное здание, обнесенное высоким забором с колючей проволокой, более всего походило на тюрьму, чем на место, где должна начинаться служба у защитников Родины. Со стороны улицы нельзя было различить ни одного окна здания, нельзя было увидеть даже краешком глаза, что творилось за этим высоким бетонным забором. Вход на территорию преграждал КПП со своим дежурным и дневальными. Возле входа на стене висели списки призывников и вокруг всегда толпилась масса людей, пытавшихся понять, где сейчас находится их сын, в какую часть его заберут и когда будет отправление в часть. Заплаканные, грустные и очень взволнованные лица родителей встречали очередной автобус с призывниками, въезжавший на территорию областного сборочного пункта.

Пройдя повторную медицинскую комиссию уже на территории сборного пункта, новая группа призывников попала в большой спортивный зал, в котором уже в тот момент томилось больше семи сотен таких же бедняг. Не обращая никакого внимания на нас, ребята продолжали беседовать между собой. Они были разбиты на отдельные кучки. Кто-то жался в уголке, пытаясь согреться, кто-то втихую курил. Счастливики, которым удалось занять свободные места на скамейках, пытались согреться последними лучами солнца, постоянно передвигая скамейки на то место, куда падал свет. Остальные же ребята, не обращая никакого внимания на периодические крики и ругань дежуривших при входе солдат сборного пункта, лежали на полу, закутавшись в свои куртки. Некоторые ребята, чтобы согреться, отжимались и подтягивались на турниках. В зале было очень холодно. На дворе стояла поздняя осень, спортивный зал никак не отапливался и морозный ветер с улицы легко проникал сквозь огромные щели в оконных блоках. Все были одеты в легкую одежду, понимая, что в армии им выдадут военную форму, поэтому не было необходимости одеваться на пересыльной в дорогу и теплую одежду. Старые потрепанные трико, выдавшие виды свитера, грязные стоптанные кроссовки – такой была типичная одежда новобранцев. Никто не рассчитывал находиться долго на пересыльном пункте, будучи уверенными, что уже сегодня они выедут в часть.

Зал, не переставая ни на секунду, гудел. Он был похож на большую базарную площадь. Только в качестве товара здесь выступало мужское население призывного возраста, а в качестве купцов – офицеры, которые время от времени заходили в зал, строили всех, разбивали солдат на новые группы, кого-то зачисляли себе в команду, кого-то переводили в резерв. После чего следовала команда «Разойдись!» и призывники разбегались, стараясь успеть занять свободные скамейки.

Подсев на подоконник к одной группе ребят, я попытался послушать, о чем они говорят и согреться. Ощущение нереальности происходящего не покидало меня. Очень скоро я буду в армии, меня ждут суровые испытания. Возможно, я прыгну с парашютом, или буду ездить на танке. А, возможно, попаду в какую-нибудь горячую точку. А ведь еще вчера я был дома и жил другой жизнью. А теперь у меня начинается новая жизнь, я, наконец-таки, стану настоящим мужчиной и буду себя уважать и гордиться собой. Буду сильным и храбрым. В голове всплыли картинки из советских фильмов про армию, и я погрузился в свои грезы, где были одни только боевые вертолеты, военные штурмовики и истребители, дальние походы на кораблях и подлодках, все взрывалось и грохотало, Катюши метали свои огненные снаряды на противника, а танки вплавь преодолевали водные преграды. Я представил, как я буду стрелять из автомата, и стоять на параде в красивой форме и с оружием в руках. А потом увидел себя после службы, на дембель, в красивой военной форме, в тельняшке, каким я буду сильным и красивым, каким я буду уверенным себе и храбрым. Все увидят меня после армии, увидят, как я повзрослел, все будут мною гордиться, и все девчонки будут вешаться мне на шею.

– А если ты учился на военной кафедре, то служить тебе два года, но офицером, – преврал мои размышления голос одного из рядом сидящих новобранцев – а если ли ты с высшим образованием, но без военной кафедры, то тогда служить тебе только год, но солдатом.

– Серьезно? – переспросил я. «Значит, мне все-таки служить год, а не два. Год – это уже не так и много» – промелькнуло у меня в голове. – А кем служить лучше? Солдатом год или офицером два года?

– Лучше вообще не служить!

У выхода из спортзала была организована торговая точка, в которой продавались предметы первой необходимости: советский станок для бритья, зубная паста «Жемчуг», хозяйственное мыло, сигареты, картошка быстрого приготовления и холодная заиндевевшая пицца в полиэтиленовой упаковке. Весь этот нехитрый ассортимент продукции продавался в четыре раза дороже, чем на улице. Никто не хотел тратиться, поэтому продававшая все это женщина явно скучала и обидчиво подглядывала на нас. Иногда родителям через дежуривших солдат удавалось передать посылки для своих детей. Посылки доходили до ребят уже вскрытые, и все самое ценное оттуда было украдено. Но что-то все-таки доходило, и обычно это была еда. Поэтому за день по всему залу вырастали горы мусора из разных фантиков, обертки и упаковок из-под разных продуктов.

– И долго нам тут сидеть в этом дерме? – поинтересовался долговязый рыжий парень.

– Как повезет. Я уже четыре дня тут. Говорят, тех, кто очень долго ожидает купцов, отпускают домой на выходные – отвечал ему другой.

– А меня уже записали в восьмидесятую команду, значит, меня, наверное, скоро заберут?

– Нет, восьмидесятая команда – это резерв.

– А мне сказали, что это морской десант.

– Ха! Кто сказал? Тот майор в строевой части? Ты ему больше верь! Это у них шутка такая! Армейский юмор, блин!

Согреваясь разговорами и собственным дыханием, наша небольшая компания дождалась ужина. Столовая не могла вместить всех призывников одновременно, поэтому призывников разбили на несколько групп, всем приходилось по нескольку часов ждать, когда придет очередь твоей группы. Подгоняемые офицерами и сержантами мы быстро проглотили ужин и освободили место в столовой для следующей группы.

– Эх, теперь бы покурить! – вздохнул все тот же рыжий парнишка по фамилии Захаров, который, как оказалось, знал меня до армии, потому что жил в соседнем дворе и часто меня видел.

– Ага! И сходить в туалет! А то уже пять часов не выводили на улицу! Козлы! – пробубнил молодой электрик с железной дороги Дима Борисов.

Поход на улицу в туалет занял еще час. Сначала нужно было дождаться всех солдат с ужина. Потом нас очень долго строили в спортивном зале и так же долго строили перед выходом из здания.

– Отставить разговоры в строю! – орал офицер, пытаясь нас всех в десятый раз пересчитать. – Еще раз повторяю для тупых, пока вы не заткнетесь и не дадите мне нормально вас всех пересчитать, будете тут стоять и мерзнуть до отбоя!

– Хорош, парни! Ну, правда, хватит уже! В туалет хочется – мочи нет! – разнеслись по строю голоса недовольных ребят.

– Значит так, начинаю сначала. Еще одно замечание, верну вас обратно, останетесь без вечерней прогулки! – продолжил переключку офицер. – Эй, это кто там такой умный?! Кто это там курит в строю?! – вскипел снова офицер, завидев дым. – Кругом, мать вашу! В казарму по одному заходи строиться!

– Ну, товарищ, капитан! Мы больше не будем! Мы в туалет хотим! Пожалуйста!

– Куралесин, ко мне! – подозвал к себе офицер сержанта, который стоял немного поодаль с сигаретой в зубах. – Объясните, пожалуйста, товарищам призывникам, где они находятся.

– Будь сделано, товарищ капитан! – держа руки в карманах, отвечал офицеру сержант. – Эй ты, педрила в кожаной курке! Да-да, ты с сигаретой! Ты сегодня у меня всю ночь будешь очки в туалете пидорить вместо сна. – спокойно произнес сержант. – Ты меня понял?! Кто-нибудь хочет ему помочь? – обратился сержант к строю.

Угроза подействовала незамедлительно и все разговоры в строю тут же исчезли. Сержант отвел нас к летнему туалету, который находился в 100 метрах от входа в здание пересыльного. Туалет, который представлял из себя небольшую беседку без дверей и освещения, был настолько испачкан продуктами жизнедеятельности людей, что находиться там было сравнимо испытанию газовой камерой в фашистском концлагере. Большинство призывников освободило свои мочевые пузыри на соседние кусты и бросилось жадно курить последнюю на сегодняшний день сигарету.

– Стройся, уроды! – прокричал злой сержант.

Нас не надо было подгонять, мы были и так рады поскорее вернуться в здание, потому что мы продрогли до костей на этом морозе, и сил больше находиться на улице у нас не осталось.

Заведя нас обратно в спортивный зал, дежурный офицер разбил всех призывников на новые группы по пятьдесят человек.

– Группа один будет спать на четвертом этаже в комнате четыреста десять, группа два будет спать в четыреста одиннадцатой комнате, группа три будет... Разговорчики в строю! Вы что спать не хотите?

Такая же процедура пересчета всех призывников с криками и армейским матом повторилась уже на четвертом этаже перед комнатой отдыха. Матерщинник-офицер никак не хотел отпускать нас спать. Непривычные к армейским порядкам молодые люди, в добавок не отличавшиеся хорошим воспитанием, постоянно выводили офицера из себя. Но строгий капитан никак не хотел уступать призывникам и несмотря на поздний час старался проучить строптивых призывников. После любого разговора в строю перекличка начиналась заново.

– А можно нескромный вопрос? – обратился к офицеру один из призывников.

– Во-первых, в армии нет нескромных вопросов! Вопросы в армии бывают двух типов – албанские и квадратные. Во-вторых, не «можно», а «разрешите обратиться, товарищ капитан».

– А когда мы пойдем спать, товарищ капитан?

– А вот когда я решу, тогда и пойдете. – заметно повысив голос ответил офицер.

Перекличка начиналась заново. До уставших призывников наконец начало доходить, что тут они полностью зависят от старших по званию. И волей не волей придется слушаться людей с погонами и лычками. Так в молодых ребятах вырабатывали покорность, без которой невозможна армия.

Наконец, полпервого ночи нашу группу загнали в небольшую комнату, где нам предстояло спать. В комнате не было света. Какое-то подобие кроватей – деревянные ящики прямоугольной формы стояли в три ряда плотно друг другу. Никаких подушек, никаких матрацев и одеял, никакого постельного белья и прикроватных тумбочек. Вместо подушек такие же деревянные ящики в виде треугольной призмы. Нельзя выйти в туалет, нельзя умыться перед сном и почистить зубы. Я попытался как-нибудь приспособиться к этим жестким нарам, свернувшись калачиком и согревая руки теплым воздухом изо рта. Большинство окон в комнате было разбито, поэтому температура в помещении стояла такая же, как и на улице, т.е. еще холоднее, чем в спортивном зале днем. Одна надежда, что скоро мы своим дыханием хоть немного согреем помещение. Несколько ребят решилось снять обувь и едкий запах грязных носков, которые не менялись неделю, распространился на всю комнату.

– Фу, блядь! Вот воняет-то! – разнеслось по комнате. – Сволочи! За кого они нас считают? Мы что в тюрьме?!

– Кому это тут не спится?! – грозно прикрикнул офицер, который уже собирался закрыть дверь в комнату. – Еще одно слово и вся комната будет спать стоя! Всем отбой!

Входная дверь захлопнулась, послышался лязг ключа в замке и щелчок, комната погрузилась в кромешную тьму. Ветер запел свою песню, играя на осколках окон. Все, что нам осталось в этой комнате, – это темно-синее небо в окнах, звезды и черные контуры многоэтажек, за которыми, совсем рядом, находился и мой родной дом. В десяти минутах ходьбы от ОСП находятся сейчас мои родители и сестры. Почему-то мне представилось, что они сейчас все сидят и пьют горячий чай. Хоть кому-то сейчас на свете тепло! Наверное, всей семьей обсуждают мой призыв и, конечно, переживают за меня. Больше всех расстроена моя мама. Она так не хотела меня отпускать, так плакала! Я никогда еще не видел ее такой расстроенной! Я никогда не забуду эти глаза, полные горя и отчаянья! Когда я теперь снова увижу свою родню? Впереди еще целый год!

Закутавшись в мастерку от спортивного костюма, я попытался уснуть. Сделать это было не просто и не только из-за сильного холода. Солдат в помещении было много. И не всем хотелось спать. То тут, то там, был слышен шепот. О чем говорили – было не различить, но инстинктивно слух напрягся, и это мешало уснуть.

– Парни, вы что еще ненаговорились за день? Вам что хочется всю ночь стоя провести? Дайте поспать, уроды! – делали замечания таким болтунам. Но через несколько минут шептания возникали уже в другом углу.

Вскоре дверь в комнату открылась, и зашел наш офицер.

– Подъем! Не хотите спать, будете у меня всю ночь стоять! Подъем, я сказал!

– Товарищ майор, мы больше не будем! Ну, товарищ майор!

– Это мое последнее китайское предупреждение, – сжалился офицер – еще одно слово и пойдете на улицу территорию убирать!

Шептания постепенно прекратились и я уснул. Но сон был очень коротким, потому что уже в пять утра нас разбудил этот ненавистный офицер. На сборном пункте одновременно находились сотни призывников, а уборная комната на этаже была одна, рассчитанная максимум на десять человек. Чтобы каждый призывник мог хотя бы пять минут потратить на утренний туалет, приходилось очень рано устраивать подъем. Толкаясь и отпихиваясь, солдаты ютились у умывальников по десять-двенадцать человек, пытаясь хотя бы почистить зубы. После чего следовала очередная проверка, а затем спортзал, завтрак, новые купцы, коллективный поход на улицу в туалет и долгие беседы в ожидании, когда тебя заберут, наконец, в армию.

Так прошли еще одни сутки на ОСП. Еще один тяжелый день, постоянное чувство голода и недосыпание, крики офицеров и сержантов, жгучий холод и безуспешные попытки согреться. День тянулся бесконечно долго. Казалось, что никому нет дела до меня, никогда меня с пересыльного пункта не заберут.

За день в спортивный зал приходило много разных купцов в красивых армейских формах. Были коренастые и накаченные десантники в зеленой полевой форме и тельняшках, с красными беретами и множеством разных орденов и медалей на груди. Были матросы Черноморского флота. Высоченные бравые ребята в черных шинелях и бескозырках. Суровый взгляд, стройная осанка, четкие и уверенные движения, звонкий командирский голос – казалось, каждый новый военный был крупнее и красивее предыдущего. Толпа грязных и уставших оборванцев с восхищением смотрела на их форму и мечтала когда-нибудь выглядеть также. Я тоже хотел как можно скорее уехать с пересыльного, но никто из купцов не хотел брать меня в свою команду. Часть призывников убывала с пересыльного, но на их место привозили новых со всей области. К исходу вторых суток на ОСП я так и остался в команде номер восемьдесят.

Глава 3. Купцы

На третий день у нас сложилась уже своя небольшая компания таких же, как я, неприкаянных и никому не нужных призывников. Сходив на обед, мы продолжали уютиться на подоконнике.

– Когда же нас заберут уже в армию? – задавался Володя Прядкин вопросом, который нас всех также сильно волновал. – Не могу я уже больше здесь! Завтра будет неделя, как я тут мерзну!

– А почему тебя на выходные не отпустили домой?

– Потому что я из области, мне далеко до дома добираться.

– А где и кем ты хотел бы служить? – поддержал разговор Борисов.

– Ну не знаю. Вообще, я фельдшер, хочу в армии быть врачом, может быть в военном госпитале где-нибудь служить, набираться опыта.

– А ты кем хочешь быть? Какое у тебя образование? – поинтересовался я у совсем еще молоденького парнишки Саши Иванова.

– У меня экономическое образование, я колледж окончил по специальности «менеджер». Хочу после армии получить высшее образование.

– Боюсь, нашей армии экономисты особенно не нужны. Может быть, у тебя есть водительские права? Или какие-нибудь другие таланты, пригодные для российской армии?

– Ну, не знаю...

– Чем ты увлекаешься по жизни? Хобби есть?

– Музыку люблю. Электронную и инструментальную. Жан-Мишель Жарр, Китаро, нравится Кенни Джи, оркестр Поля Мориа, Вангелис. Такого плана музыку люблю слушать.

– А ты что, Дим, слушаешь? – стал я доставать своими расспросами Борисова.

– А я ничего не слушаю. За день в Депо так наработаешься, что сил нет ни на что. Привезут вагон какой-нибудь убитый, вся проводка сгнившая, ничего не работает. И ты весь день лазаешь, лазаешь по всему вагону, прозваниваешь цепи. А там же ведь напряжение и ответственность какая!

– Так у тебя должен быть специальный допуск для таких работ?

– Все у меня есть! Знаешь сколько я уже вагонов восстановил?! О! Меня даже наш бригадир в армию не хотел отпускать. В военкомат ходил к комиссару, просил не забирать. Но там же все решают деньги. Зато он меня ждет из армии, место для меня оставил.

– А ты, Женек, что приуныл? – обратился я к худощавому и нескладному парнишке с большими грустными глазами, который все время сидел рядом с нами и почти никогда ничего не говорил.

– Мы с ним вместе работали, – перебил меня Борисов – мы с Женьком в одном чушке учились. С детства друг друга знаем. И работали в одном депо, только я занимался силовой проводкой внутри вагона, а он восстановлением проводки радио и прочей слаботочкой.

Мой тезка по фамилии Данковцев был скорее похож на старичка, чем на молодого парня, которому предстояло защищать Родину. Он очень сильно отличался от своего друга Борисова. Борисов был парень очень высокий и с виду очень сильный. Двухметровый великан, с огромной ладонью и длинными руками резко контрастировал с щупленьким и нескладным Данковцевым. Но было и что-то общее во всех ребятах в нашей небольшой компании. И Борисов с Данковцевым, и Саша Иванов, и Прядкин с Тарасовым вели себя очень скромно и тихо здесь на пересыльном пункте, где преимущество составляли ребята совсем другого типа. Тут и там был слышен мат, ругань. Тут и там происходили ссоры, конфликты. Новобранцы не отличались изяществом манер, хорошим воспитанием и желанием служить Родине. Это была дворовая шпана, любители выпить и подраться, потерянное поколение.

– А ты что слушаешь, Женек? – обратился ко мне Иванов.

– Ну, я тоже люблю оркестр Поля Мориа, да и Кенни Джи мне нравится.

– Правда? – искренне удивился Иванов – А я думал, что это только я слушаю такую музыку!

«Забавный парнишка» – подумал я. – «Совсем не похож на эту уличную шантрапу, которой набит этот зал. Очень простой и наивный».

– А что же ты в институт сразу не пошел учиться после школы? —поинтересовался я у Саши.

– В институт без денег не поступишь. А откуда мне их взять? Отца у меня нет, вдвоем с матерью живем, денег не хватает. Зато после армии у меня будет преимущество при поступлении в институт. Обязательно продолжу свое обучение! – радовался Иванов.

– Становись! – послышалось из угла, где был вход в зал. Это дежурный офицер собирался сделать нам очередное объявление. Призывники быстро построились. – Все, чьи фамилии сейчас назову, становятся слева от меня, остальные свободны. Слушайте внимательно, читаю: Соколов!

– Я!

– Прядкин!

– Я!

– Захаров!... Захаров?! Где Захаров?

– Я!

– Ты что глухой, Захаров? Сюда становись! Беспалов, Жидких Андрей и Жидких Виталий, Иванов Александр, Борисов...

Всего было названо сорок фамилий и скоро наша команда стояла отдельно и дожидалась своей участи. Появилась надежда, что нас скоро заберут в часть.

– Остальные, разойдись! – командовал офицер.

Только сейчас мы заметили, что вместе с офицером в зал вошли и два короткостриженных молодых человека лет двадцати пяти. Они были одеты в гражданскую форму, современную, стильную одежду, и выглядели очень ухоженно. Один из них был одет в белоснежный свитер с высоким воротом и строгие брюки, на втором был джемпер из кашемира и пашмины в полоску и модные джинсы. Они не были похожи на тех военных, которые постоянно приходили к нам в спортзал за новой партией солдат. У них не было никаких нагрудных знаков, не было пагон и головных уборов, их лица не были такими суровыми, наоборот ребята излучали тепло и радость, словно не замечали той неприятной действительности, которая нас всех окружала. Единственное, что выдавало в них людей военных, это их безукоризненная выправка и уверенная походка.

Парень в белом свитере с высокими воротником, закрывавшим всю его шею, начал разговор первым.

– Становись! Равняйся! Смирно! – уверенно произнес молодой человек. – Вольно! Ну что голубчики? Готовы к службе в армии?

– Да... готовы... заберите нас отсюда поскорее... – загудел строй.

– Хорошо. Тогда слушайте меня внимательно! Значит так, меня зовут капитан Коробов. А это мой коллега, старший лейтенант Ангел. Сегодня вы здесь потому, что скоро, очень скоро Вам предстоит служба в Российской Армии. Мы со старшим лейтенантом Ангелом отберем из Вас двадцать самых достойных, самых лучших, кто поедет служить в нашу часть. Вопросы есть?

– А что за войска, товарищ капитан? Где мы будем служить?

– Секрет! Со временем все узнаете. Скажу только одно – служить Вы будете под Москвой. Часть очень хорошая. Считайте, что Вам повезло.

– А когда мы поедем в часть? Сегодня?

- Это тоже не могу пока сказать. Как получится.
- А часть большая?
- Со временем все узнаете. Если вопросов больше нет, то разойдись!
- Удивленная и озадаченная наша компания заняла свое привычное место на подоконнике.
- Что-то здесь неладное... Почему они одеты в гражданскую форму? – выразил общее удивление Тарасов.
- Да, и почему не хотят говорить из каких они войск? – вторил ему Прядкин.
- Мне кажется они из ФАПСИ, мне еще в военкомате сказали, что моя служба будет связана с компьютерами... – высказал я свое предположение.
- Может быть, и не из ФАПСИ, но определенно из ГРУ. Из нас будут готовить разведчиков. Поэтому они в гражданской форме и не говорят откуда.
- Или из Стройбата, поэтому не хотят нас разочаровывать раньше времени.
- Военным вообще верить нельзя!
- А может быть нас хотят забрать в Космические войска? Слышали, что они сказали? Часть находится под Москвой! Может быть, они из Звездного городка?
- И ты на это купился? Может быть они из Сибири приехали и лапшу тут на уши сейчас нам развешали...
- А у этого, второго, как фамилия? Что-то я не расслышал... Какая странная фамилия...
- Ангел! Ангел нас заберет в армию. Ангел и Коробов.
- Ну и фамилия!
- Может быть, это его не настоящее имя. Если он разведчик, то это просто его подпольная кличка.
- Дурак, ты! Подпольная кличка разведчика – это большая тайна разведчиков, никто не будет ее всем рассказывать.
- Да, я тоже уверен, они разведчики! – не унимался Тарасов.
- Весь следующий час мы продолжали гадать, кто эти загадочные молодые люди, из каких они войск и почему они не хотят нам ничего рассказывать. И вот капитан Коробов и старший лейтенант Ангел снова появились в зале. Они снова нас построили, отсеяли десять человек, после чего оставшихся тридцать они отвели на третий этаж, где с каждым из нас провели личную беседу.
- В небольшой комнате старший лейтенант Ангел сидел за столом со стопкой личных дел призывников и делал на полях карандашом свои пометки. Рядом лежал от руки написанный список солдат, который он предусмотрительно прикрыл от меня рукой. На краю стола сидел капитан Коробов и приветливо мне улыбался.
- Ну что Беспалов, рассказывай, что ты окончил, что умеешь делать? За что тебя из института-то выгнали?
- Почему это выгнали? Я окончил институт с красным дипломом, между прочим!
- Да ну! – удивился Коробов.
- Да, в этом году закончил политех. Наш воронежский политех.
- А специальность у тебя какая?
- Инженер-системотехник...
- То есть ты хочешь сказать, что ты умеешь обращаться с компьютером?
- Умею. А что это вас так удивляет? Я программистом работал в одной компании. Там в личном деле все должно быть.
- И умеешь быстро набираться тексты на компьютере?
- Да я с закрытыми глазами могу печатать на компьютере!
- Ишь, ты! Хорошо! Коль не врешь, пойдешь ко мне штаб, будешь служить под моим началом.

Капитан широко улыбнулся и я почувствовал с его стороны уважение и даже некоторую теплоту по отношению к себе.

Ангел так же улыбался в мой адрес, делая пометки в моем деле.

– Ну, тогда у нас к тебе больше вопросов нет. Позови следующего.

С приподнятым настроением я шел обратно в спортивный зал. Удача повернулась ко мне лицом. Я еще не знал, в какой части я буду служить, что это за войска, но я знал, что буду работать за компьютером. Для меня это была приятная новость, потому как не хотелось терять своей квалификации за время службы в армии. И потом я чувствовал, что с этими офицерами у меня установились добрые отношения, определенно Коробов и Ангел испытывали ко мне симпатию и уважение.

Больше за этот день мы их не видели. Так прошел еще один день на сборном пункте. Потом была снова ночь в этой комнате с разбитыми окнами. Мы снова все промерзли до костей. Снова не выспались, снова уставшие и голодные ждали, что же будет дальше. Гадали, куда нас заберут. Кто эти загадочные военные в гражданской форме?

Количество призывников на сборном пункте после вчерашней отправки в войска поубавилось, новая партия еще не приехала. Казалось, что скоро вообще никого не останется в спортивном зале, только одни мы тут забытые всеми сидим. И ни одни нормальные военные не хотят нас брать к себе в часть. Моряки забрали к себе на корабль самых высоких ребят, десантники забрали самых сильных и крепких. А мы никому не нужны. Чем же мы не угодили всем этим военным? И почему нами заинтересовались только эти таинственные пижоны в гражданке?

В девять часов утра, после завтрака и утренней прогулки, мы снова оказались в спортивном зале. Свободных мест стало больше и всей нашей компании нашлось место на скамейке, что позволило нам погреться немного на солнышке. Снова пришли наши офицеры и построили нас. Как всегда больше говорил Коробов. Больше всего его интересовало, у кого из отобранных им солдат, есть водительские права, и кто окончил кулинарный техникум.

– Более менее, мы определились с составом. Часть из вас мы уже точно берем, – Коробов бросил свой взгляд на меня – но насчет других мы еще подумаем...

Отобрав таких солдат, в которых Коробов сомневался, он вышел из зала. Через какое-то время ребята стали по одному возвращаться. Саша Иванов зашел в зал с плохо скрываемым разочарованием. Было видно, что он очень расстроен. Но Саша не хотел, чтобы кто-то его жалел, поэтому на наши расспросы только отшучивался. Вскоре снова появились и сами офицеры. Построив нас, они отсеяли еще пять человек.

– Товарищ капитан, а куда же мы все-таки едем служить? – поинтересовался молодой парнишка из Борисоглебска Андрей Жидких.

– В топографические войска.

– Куда-куда? Какие войска? – непонимающе переглянулись солдаты.

– Карты будем делать? – уточнил я.

– Точно, Беспалов. И не только карты. Вы поедите служить в город Звенигород в топогеодезический отряд при топографической службе штаба Московского военного округа. Будете делать карты и макеты местности. В детстве папье-маше занимался кто-нибудь?

– Папе что? – выразил Захаров недоумение большинства солдат.

– Папье-маше, придурок! – не вытерпел Тарасов.

– На себя посмотри! – огрызнулся Захаров. – Если ты такой умный, то что ты в армии забыл?

– Отставить разговоры! – прикрикнул Ангел. – Кто разрешал разговоры в строю? Вы в армии находитесь или где? Будете разговаривать тогда, когда мы вам разрешим. Забудьте о гражданской жизни! Она осталась там за забором! Вы в армии находитесь! Скоро вам будет не до разговоров. Будете слушать капитана Коробова, попадете в хорошую часть, и служба

будет у Вас легкой, с пользой и с удовольствием проведете ближайшие два года. А будете нарушать порядок, отправим вас служить в горячую точку. Не дети уже! Пора вам повзрослеть, наконец! Будете служить в нашей части, будете сидеть себе тихо рисовать карты и клеить макеты, профессию новую освоите, будете потом на гражданке хорошие деньги зарабатывать. Если кого-то это не устраивает, то поедите с теми десанниками в Чечню пушечным мясом служить! А на дембель вернетесь к родителям в цинковом гробу! Кому-то что-то не ясно?!

Новобранцы примолкли и опустили глаза.

– Сейчас пойдете с нами на дактилоскопию, – продолжал уже Коробов – снимем отпечатки ваших пальцев на случай, если вы погибнете в армии. Чтобы врачи смогли опознать ваши останки. Надеюсь, до этого не дойдет, но вы должны понимать, что отныне ваши жизни вам не принадлежат. Отныне вы солдаты Российской Армии и должны беспрекословно выполнять то, что Вам прикажут. И если прикажут умереть, значит, вы должны умереть. Вы не в детском саду находитесь.

Спустившись в темный и сырой подвал, мы выстроились в очередь в кабинет на дактилоскопию.

– Пойдите пока здесь, я сейчас вернусь, – произнес капитан Коробов и скрылся за одной из дверей.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться? — подошел я Ангелу.

– Валяй! – по-свойски ответил мне старший лейтенант.

– Мне нужно поговорить с Вами с глазу на глаз.

– Хорошо. Давай отойдем. Здесь нас никто не услышит. Чего ты хотел?

– Товарищ старший лейтенант, у меня есть к Вам небольшая просьба.

– Говори!

– Помните того парнишку Сашу Иванова, который экононом закончил? Возьмите его с нами, пожалуйста! Он хороший парень, я его знаю. С ним проблем в армии не будет. Вот с этим поваром с лицом серийного убийцы у Вас проблемы будут, а с Ивановым все будет хорошо!

– Хм! – улыбнулся Ангел. – Ну, хорошо... Я поговорю с Коробовым. Но, ты же понимаешь, что услуга за услуга...

– Да, конечно.

– Мы с дороги, очень устали... Накроешь нам в поезде небольшой стол, нальешь чего-нибудь... Понял?

– Без проблем! Сделаем, товарищ старший лейтенант!

– Ну, тогда считай, что вопрос твой решен!

Находясь под впечатлением от своей наглости и неизвестно откуда взявшейся способности решать вопросы и договариваться с людьми, я провел остаток дня в ожидании отправки в войска. Мы не знали, когда нас заберут, сегодня или через неделю, нам ничего не говорили, держали в полной неизвестности, но меня это уже не очень волновало. Я почувствовал, что уже начинаю меняться, что армия на меня уже подействовала в лучшую сторону. Мне стало приятно на душе от того, что я стал взрослее, серьезнее. А что будет через год, когда я вернусь домой? Да, через год, я буду таким же мужественным и самодостаточным, как эти двое! Как здорово, что у меня скоро начнется новая жизнь!

Отправка в войска проходила в лучших армейских традициях. Когда стемнело и стало невыносимо холодно, без всякого предупреждения несколько сот человек с матом и криками выгнали на улицу и в спешке посадили в автобусы. В салон, в котором ехала наша группа, зашел Коробов и снова нас пересчитал. Собрал у нас военные билеты, он пожелал нам удачи. Водитель взял курс на городской вокзал.

Колонна из стареньких «Икарусов» провезла на нас по улицам родного города. Прохожие оглядывались на нас, стараясь понять, чем же мы заслужили такую честь, что нас сопровождал

целый эскорт из милицейских машин. Тем временем, город жил своей жизнью. Быстро потеряв к нам всяческий интерес, он готовился ко сну. Казалось, никому нет дела, что несколько сот молодых людей насильно забирают, увозят от своих родных, от матерей. Но это ощущение было обманчивое, потому как на вокзале нас уже ждало людское море из родственников, которые хотели попрощаться со своими сыновьями, братьями, внуками.

– Женя, ну ты уж там себя в обиду не давай! Никого не бойся! Мы в тебя верим, ты молодец, ты настоящий мужчина, – торопилась попрощаться со мной моя тетя – мы тебя будем ждать.

– Время, время! Поторопитесь! – подгонял нас какой-то офицер.

– Я с твоими снимками пойду к прокурору! Они не имели право тебя забирать, я их всех под суд отдам! – плакала моя мать – А там, когда приедешь в часть, будет еще одно медицинское обследование. И тебя обязательно вернут обратно.

– По вагонам! Закончили прощаться! – разнесло по платформе.

Наконец, поезд тронулся. Скорый 81-ый очень медленно набирал ход, как будто машинист специально давал нам время еще раз посмотреть на своих родных, еще раз попрощаться. Мучительные минуты прощания с родными растянулись, заставив всех на некоторое время замолчать и погрузиться в свое персональное горе. Слезы на глазах родных и близких дали нам понять, что наше путешествие длиною в пару лет будет совсем нелегким.

– Ну что парни, поехали служить? – обратился я к товарищам по несчастью.

– Да уж...

– Вы знаете парни, что есть такая традиция, когда тебя забирают в часть, нужно проставиться перед купцами.

– Что-то мы не слышали про такую традицию.

– Есть, есть такая традиция. Нужно проставиться. Нам потом будет легче служить. Если что Коробов за нас словечко замолвит. Давайте скидываться.

– Ну ладно, если это такая традиция...

Собрав несколько сотен рублей, мы с Борисовым отправились к офицерам.

– Ну что, Беспалов, ты нам вроде бы что-то обещал – увидев нас, произнес Ангел.

– А мы как раз по этому вопросу к Вам.

– Это вот от нашего стола к вашему – протянул Борисов сверток с курицей-гриль Коробову.

– Товарищ капитан, разрешите, мы с Борисовым сходим в вагон-ресторан за выпивкой.

– Конечно! Не задерживайся там!

Мы были не против отдать хоть все продукты, которыми нас снабдили в дорогу наши родственники на вокзале. Все были очень расстроены, на душе скребли кошки и кусок в рот не лез. Мы еще не знали, что нормальной пищи еще очень долго не увидим. Но сейчас нам совсем не хотелось кушать. Накормив и напоив наших купцов, я попытался уснуть, но заплаканные глаза матери и ее голос еще очень долго были у меня в голове.

Глава 4. Первый день

Москва встречала новобранцев холодом и туманом. Она гудела миллионами автомобилей, мерцала огнями рекламных вывесок, спорила и шепталась, торопилась и толкалась. Одним словом, столица не обращала никакого внимания на два десятка молодых людей, преимущественно одетых в легкие спортивные костюмы, которые прибыли на ее вокзал в первый день зимы. Новобранца Иванова всю дорогу мучили боли в животе и ему было не понять радости товарищей, многие из которых первый раз попали в такой большой город, и теперь с нескрываемым изумлением смотрели на вавилонское столпотворение привокзальной площади и московской подземки. Все были рады вырваться с ОСП, всем хотелось поскорее попасть в часть, чтобы принять долгожданный душ и покушать горячей пищи.

К 12-ти часам дня холодная электричка доставила солдат на небольшую тупиковую станцию города Звенигород. Всю дорогу капитан Коробов терпеливо отвечал на расспросы солдат о части: А много ли машин в части? А можно ли сдать на водительские права в армии? А как кормят? А танки есть? А нам дадут пострелять? А сколько в части солдат? А участвует ли часть в боевых действиях? Бывают ли командировки в Чечню? А кто из знаменитостей служил в части?

По прибытию на станцию оказалось, что обещанный автобус из части за нами так и не приехал и пришлось сидеть еще некоторое время на старой, обветшалой от времени станции, ожидая следующего рейсового автобуса.

– Беспалов, что-то твоему товарищу совсем плохо. Слабенький он какой-то, – обратился ко мне Коробов.

– Живот у него болит, товарищ капитан.

– Ты там присматривай за ним в части. Тяжко ему будет в армии. Ты несешь за него ответственность, ты же упросил нас взять его с нами.

– Я знаю, товарищ капитан, буду присматривать, не беспокойтесь, – почувствовал я на себе ответственность за Иванова.

Коробов продолжил свой рассказ про часть.

– Часть у нас небольшая, но очень ухоженная и уютная. Располагается в очень живописном месте. Звенигород – это подмосковная Швейцария. Вся Москва зимой ездит сюда кататься на лыжах. Рядом с частью находится знаменитый Савино-Сторожевский монастырь, когда-то это была резиденция царя Михаила Федоровича. Именно в этом монастыре снимали фильм «Иван Васильевич меняет профессию». А рядом с частью, буквально в пяти километрах раньше была заправка около железнодорожного переезда. Помните фильм «Невероятные приключения итальянцев в России»? Вот именно на этом месте снимали ту сцену, где они там взрывали заправку. Помните?

На лицах новобранцев появилась улыбка и радость от того, что им предстоит служить в таком месте.

– А кто-нибудь из знаменитостей в часть приезжает? Кто из известных людей служил в армии? – интересовались солдаты.

– Из известных у нас служил Валентин Юдашкин, даже в музее фотографии хранятся, где он в солдатской форме. До сих пор его помнят некоторые офицеры. Еще в армии он много шил и был очень мастеровитым. А еще... – призадумался Коробов – еще к нам периодически приезжают с концертом из Москвы эстрадные исполнители. Когда-то к нам Пугачева даже приезжала, Кобзон был и очень любил к нам в часть приезжать Леонид Куравлев. У нашего замполита даже есть фотографии, где они вместе. Так что я думаю, что за время службы вы кого-нибудь из известных людей увидите. А так из знаменитостей больше никто не служил, только дети высокопоставленных советских чиновников. Ну, вы их все равно не знаете! А летом мы

обязательно вас свозим в Москву в музей Бородинской битвы. Вы едете служить в «шоколадную» часть. Радуйтесь!

– Да... здорово... – Глаза ребят радостно заблестели. – Ну, раз так, тогда два года это не так и много! Быстро пролетят, возмужаем, наберемся сил, послужим Родине!

– Машин много. Есть свой бензовоз, есть кран и даже своя пожарная машина. Летом солдаты ездят вместе с офицерами в длительные командировки. Есть свой спортзал, будете заниматься спортом. Есть свой клуб, где по выходным будете смотреть кино. Насчет питания – не беспокойтесь, голодная смерть вам не грозит. У нас есть свой свинарник, так что мясом мы обеспечены круглый год. – Коробову нельзя было не верить. Он был слишком обаятельный и располагающий к себе. Мы все смотрели на него с восхищением и каждый в душе мечтал стать таким же, как он, уверенным в себе, таким же подтянутым, сильным, мужественным.

Так, незаметно в разговорах прошло еще полчаса и вскоре все мы ехали в автобусе с загадочным пунктом назначения «Звездочка». По мере приближения к части волнение среди новобранцев возрастало, разговоров становилось все меньше и меньше, а в конце солдаты и вовсе затихли, погружившись в свои мысли. Все растеряно смотрели по сторонам. Стало невыносимо грустно. Каждый осознал, что теперь нет пути назад. Когда мы теперь увидим своих близких, своих любимых? Когда мы увидим своих друзей? Когда мы снова окажемся дома? Наверное, в следующий раз, когда мы будем дома, мы уже будем совсем другими. Мы изменимся, повзрослеем, станем настоящими мужчинами. А что нас ждет впереди? Мы не знаем. Пути назад нет. Скоро нас оденут в военную форму, постригут, будут только с утра до вечера нами командовать и орать на нас. Да, мы хотим пройти эту школу жизни, мы хотим стать сильнее, мы готовы к ночным тревогам, готовы к марш-броскам, к учениям, стрельбам и прочим испытаниям армейской жизни. И все же, как хочется, чтобы автобус сломался и мы еще как можно дольше оставались на свободе! Да, именно на свободе, потому что армия и несвобода были для нас тождественно равны. Как только раньше мы этого не понимали и как не ценили мы своей свободы! Тоскливо и очень одиноко так, что слезы наворачивались на глазах у ребят, но никто не хотел показывать своих эмоций, каждый смотрел в свою сторону, боясь пересечься взглядом с товарищем. Ведь мы же солдаты! Мы мужчины!

Проехав через весь Звенигород с его небольшими, но аккуратными домиками, пропетляв немного по извилистой дороге, проходящей через древние леса и преодолев легендарный железнодорожный переезд, мы оказались на развилке. Одна дорога шла дальше прямо, а другая, извиваясь, уходила вверх и пряталась за частоколом могучих многовековых деревьев. Напрягшись из последних сил, старенький автобус взобрался по крутому подъему наверх холма, где и прятались войсковая часть номер 53537 и пионерский лагерь «Звездочка». Небольшая площадка для разворота автобусов перед воротами КПП, пять небольших пятиэтажек советской постройки, один единственный на весь военный городок продуктовый магазин-павильон на заднем конце площадки – все очень маленькое и миниатюрное, все только подчеркивало, что мы попали в небольшую и скромную часть. Тихий уголок подмосковной Швейцарии не предвещал ничего плохого.

В полной тишине строем мы зашли на территорию части, сиротливо озираясь по сторонам и пытаясь понять, куда же мы попали. От ворот КПП дорога лучами расходилась в три стороны. Две дороги шли перпендикулярно пропускному пункту, огибая с разных сторон большую клумбу, на которой находилась памятная стена с изображенным на ней боевым путем части. Чуть поодаль был монумент героям Великой Отечественной войны. С одной стороны такой Аллеи Славы находился штаб части – четырехэтажное серое здание пряталось за ветками деревьев и казалось было обычным жилым домом, только не было балконов, да и все окна и занавески были подозрительно одинаковые. Другая дорога, огибавшая аллею, проходила мимо стендов с портретами исторических личностей, внесших большой вклад в развитие военной топографии. Третья дорога уходила направо от КПП – конца дороги не было видно.

Сбросив листву, деревья готовились к зиме. Пожухлые листья, устилавшие все в округе, не могли никак скрасить общей картины, представшей перед нами. Армия изнутри выглядела очень серой и унылой. Никаких ярких, теплых красок: все здания серые, портреты и подписи к ним черно-белые, мрачный и невзрачный памятник солдатам Великой Отечественной, все здания без вывесок, без табличек, все одинаково холодное и неприветливое. Очень тихо, нет городской суеты. Казалось, что кроме солдат на КПП, больше никого нет на тысячи верст в округе. Только холодный ветер злобно завывает и обжигает нас своим ледяным дыханием, да вдали слышно как метлы скребут по поверхности асфальта.

– Да вы не смотрите, что все так серо вокруг. Это сейчас у нас в части все так неказисто. Осень все-таки. Зато летом у нас тут все в цветах и зелени. Вы не представляете, как хорошо в части летом! – словно прочитал мои мысли капитан Коробов.

Мы жадно всматривались во всю эту новую для нас действительность. Очень скоро мы будем ходить вокруг этой аллеи каждый день, мы настолько привыкнем к портретам Петра Первого, Куприянова, Суворова и Ленина, что перестанем их замечать. Очень скоро мы научимся жить по армейским правилам, изучим каждый уголок части, будем разговаривать на армейском языке, мы даже привыкнем к постоянным крикам и ругани. А через какое-то время научимся и обходить все эти армейские запреты. Но сейчас мы жадно всматриваемся во все эти лица и окружающие нас здания, внимательно прислушиваемся ко всем звукам. Куда нас ведет Коробов? Что нас ждет дальше?

Только сейчас до нас стало доходить, что в ближайшее два года мы не будем принадлежать себе. Мы будем носить только военную форму, весь наш день будет расписан по минутам, кушать и спать мы будем только в определенные для этого часы, у нас не будет своего личного имущества, со всеми военными мы будем разговаривать только на этом казенном языке, в туалет сходить и то придется спрашивать разрешения командира! Полежать на диване перед телевизором, поиграть на компьютере, почитать книжку перед сном, поваляться в ванной, встретиться со своими друзьями, сходить с ними на дискотеку или просто посидеть в кафе – обо всем этом можно забыть на два года. Два года никаких девушек, никаких свиданий, никаких походов в кино, никаких поцелуев!

– Черт! Это что теперь два года без спиртного? – вырвалось у Захарова. – Нужно было выпить вчера в поезде! Черт! Черт! Черт!

– Не трави душу! – пронеслось по строю.

– Отставить разговоры! – резко оборвал Коробов.

Да, я становился рабом на время службы в армии. Моя жизнь теперь мне не принадлежала. Я должен исполнять все приказы своих командиров. И если мне прикажут умереть за Родину, я обязан выполнить и этот приказ.

Коробов отвел нас в столовую, в которой нас уже давно ждали, о чем свидетельствовал остывший обед и отсутствие других военных в зале. После долгожданного обеда мы проследовали на вещевой склад, который находился на территории автомобильного парка. Начальник склада старший прапорщик Зуев неторопливо выдавал нам военную форму.

– Размер обуви? – спросил он у Борисова.

– Сорок седьмой!

Озадаченный прапорщик исчез в глубине склада.

– Ну как тут служится? Сам откуда? Давно приехали? – пристали мы с расспросами к молодому солдату, который помогал прапорщику по складу.

– Да, неплохо. Вот только Дёма... Дёма – больной на голову. Говорят в детстве с моста упал головой вниз – отвечал рядовой Аршинов, смуглый небольшого роста парнишка с большой папилломой около левого уха.

– А кто такой Дёма?

– Командир нашей роты. Лютый мужик. Не дай бог накосячить, так отделает – мало не покажется...

– Ну вот, нашлись твои кирзачи. Три года тебя дожидались, – улыбался прапорщик Зуев – здесь распишись!

– А деды есть? – продолжали допрос солдаты.

– Не-а! Какие деды? Кормят только мало, а так все супер!

На дворе стоял лютый холод, немногим теплее было в железном ангаре склада, где мы и переоделись.

– Все получили форму? – обратился к нам Коробов. – Построились! Идем в казарму. Шагом марш!

Одевшись в защитного цвета военную полевую форму и кирзовые сапоги, мы впервые почувствовали себя настоящими солдатами. Чувство гордости и прилив самоуважения наполнил мое сознание. Я настоящий солдат, я уже не вчерашний мальчишка, а настоящий мужчина, военный, на мне настоящая форма и вокруг меня настоящая армия! Я не побоялся и пошел в армию. Я готов ко всем испытаниям, потому что я не трус, как те мои сверстники, которые откосили от армии, нашли способ избежать службы. И я патриот не на словах, а на деле, потому что готов к защите Родины, готов с оружием в руках отстаивать интересы страны.

Первое, что мы увидели, войдя в казарму, были такие же как мы молодые солдаты. Они сидели на табуретках перед телевизором. Повернув назад свои лысые головы, солдаты сиротливо посмотрели на нас. Это были ребята из других городов, из Ярославской и Тверской областей, приехавшие в часть на пару дней раньше нашего. На них уже была военная форма и они уже немного освоились в армии.

– Ну вот, принимай! – обратился Коробов к капитану Демьянову.

Перед нами стояла груда мышц, которую плохо скрывала армейская униформа. Большие злующие черные глаза молниеносно окинули нас своим взглядом, а его массивная нижняя челюсть скомандовала басом: «Становись!»

Вот они какие настоящие военные!

– Равняйся! Отставить! Равняйся!! Смирно! Здравствуйте, товарищи! – приложив руку к виску, командовал Демьянов.

– Здравья желаю, товарищ капитан! – вяло и нескладно отвечало молодое пополнение.

– Вы что, мало каши ели? А ну еще раз! Здравствуйте, товарищи!

– Здравья желаю, товарищ капитан! – громче повторили мы.

– Плохо! Очень плохо! А ну еще раз, набрали побольше воздуха в легкие. Здравствуйте, товарищи!

– Здравья желаю, товарищ капитан! – еще громче повторили мы.

– Ладно, научитесь. Значит так, меня зовут капитан Демьянов. Отныне я ваш командир. Поздравляю Вас с началом службы в Вооруженных Силах Российской Федерации! – торжественно произнес Демьянов и замолчал, ожидая ответной реакции новобранцев.

Рота безмолвствовала, переглядываясь и шушукаясь, пыталась понять, что от нее хочет капитан.

– Что должны отвечать солдаты? Правильно – «Служу Российской Федерации». А ну еще раз все хором. Поздравляю Вас с началом службы, товарищи!

– Служим Российской Федерации! – нескладно и в разнобой произнесла рота.

– Громче, еще громче!

– Служим Российской Федерации!!!

– Еще громче! Не слышу, еще громче!

– Служим Российской Федерации!!! – вложив все последние силы в эту попытку, прокричала рота.

– Будем тренироваться... но позже... Старшина сейчас отведет вас в нашу баню, и вы помоетесь. А то вы с дороги, устали. Так ведь, бойцы? Небось, на сборном пункте жизнь не сахар? – сменил свой тон капитан. – Ну, ничего! Сейчас мы Вас помоем и обогреем. Вы отдохнете и тогда уже начнете свою службу.

Старшина, прихрамывая на левую ногу, отвел нас в баню, где мы сняли с себя остатки гражданской одежды и оказались впервые за долгое время под душем. Наши носки и нижнее белье старшина тут же выкинул в яму перед баней, облил бензином и поджег.

Помещение душевой поразило нас своей разрухой. Не работающие краны, погнутые шайки, заплесневелые обмылки и разбитая плитка на полу оставили не самое приятное впечатление о бане. Подгоняемые старшиной мы быстро облились водой из шаек и выбежали обратно в предбанник, где ефрейтор Ефремов выдал всем нам новое армейское нижнее белье, которое состояло из двух пар кальсон и рубашек.

– Ефремов, покажи им, как наматывать портянки! – донесся из соседней комнаты голос старшины.

– Есть, товарищ прапорщик. Все подошли сюда и смотрим, – стал поучать нас ефрейтор. Вынув свою ногу из сапога, мы увидели, что на самом деле у него на ногах были не портянки, а обычные шерстяные носки. Очень толстые и теплые. Вот почему, в отличие от нас, ему не было холодно на улице! – Значит так, ногу ставите на портянку, вот приблизительно так, один конец отводите сюда, а другим концом обматываете сначала ступню, а потом щиколотку. И вот так вставляете в сапог...

– А что можно носки носить, товарищ ефрейтор?

– Нет. Мало еще прослужил, солдат, чтобы в носках ходить! – злобно посмотрел на нас ефрейтор. – Всем ясно как мотать портянки? Еще раз показываю. Ногу сюда, этот конец сюда, этим обматываете вот так...

– Ну что, Ефремов, показал? – завидев старшину, ефрейтор быстро спрятал свои носки в сапог. – Выводи всех строиться на улицу. Покурите пока.

– Есть, товарищ прапорщик! Что уставились? Считаю до пяти, чтобы никого не осталось в бане! Кто выйдет последний, понесет постельное белье в роту.

В казарме всех новобранцев и ранее прибывших солдат снова построили. Два ряда молодых стояло вдоль всей взлетки перед ротным, старшиной и сержантами. Капитан Демьянов держал речь.

– Для вновь прибывших представляю еще раз ваших командиров. Это прапорщик Мотузин – ваш старшина. По всем хозяйственным вопросам, прошу любить и жаловать. Старший лейтенант Толстых, замполит, моя правая рука. Он будет проводить с Вами воспитательную работу. Командир второго взвода – старший лейтенант Финатов. Заместитель командира первого взвода – сержант Фадеев. Командиры отделения первого – ефрейтор Ретюнских, ефрейтор Хлопцев, заместитель командира второго взвода младший сержант Сапогов. Командир отделения второго взвода – ефрейтор Ефремов. Командир третьего взвода – старший лейтенант Петров. Заместители командира третьего взвода младший сержант Попов, командир отделения третьего взвода младший сержант Володин. Вы не смотрите, что у Володина пока нет лычек, я только сегодня ему присвоил звание. Скоро мы распределим вас всех по отделениям. Если кто-то не будет слушать своих командиров, будет иметь дело лично со мной. Ефремов, Ретюнских, Хлопцев, Володин, Фадеев, Сапогов и Попов – ваши первые наставники, командиры, они будут с вами двадцать четыре часа в сутки. Слушаться их и выполнять их приказы неукоснительно – ваша святая обязанность! Сержанты вам расскажут про наш распорядок дня, научат вас, как правильно застилать постель, как подшиваться, как следить за формой и своим внешним видом, будут проводить с вами зарядки и готовить вас к присяге. Сейчас сержанты покажут вам казарму. Но перед этим старшина определит вам ваши койки и выдаст постельное белье. Все ясно? Есть вопросы? Не стесняйтесь! – командир внимательно поглядел нам

в глаза, готовый ответить на любой вопрос. Человек-гора, чемпион училища по бодибилдингу, внушал солдатам дикий страх. Никто так и не решился на вопрос. – Ну, раз вопросов нет, тогда, старшина, командуй!

Первый день в армии был очень насыщенным и познавательным. Все было нам в новинку, непривычно, мы абсолютно не знали как себя вести, как обращаться к командирам, что делать. Но командиры отнеслись к нам с пониманием и в первый день нас не загружали лишней работой.

Они показали нам все помещения казармы. Показали, где находилась бытовка. Здесь мы должны были себе каждый вечер гладить подворотнички и пришивать их на воротник кителя. Стежки на подворотничках должны быть не больше пяти миллиметров. Так требовал устав. Нам показали сушилку, специальную комнату, в которой было очень тепло и где на ночь мы должны были оставлять свои сапоги и портянки. Но поскольку, мы были молодыми и неопытными солдатами, да и наша форма еще не имела еще никаких клеймений, ротный распорядился сапоги на ночь оставлять возле кроватей под табуретками, чтобы утром по ошибке не надеть чужие сапоги. В умывальной комнате были рукомойники вдоль двух стен, в которых всегда текла только холодная вода. А еще была большая раковина на уровне пола, чтобы солдаты в ней мыли перед отбоем ноги.

Казарма представляла из себя такое большое общежитие на целую роту солдат, только в ней не было кухни, но были все условия, чтобы солдаты могли тут спать, учиться, поддерживать в порядке свое обмундирование. Через всю казарму проходил большой коридор, который назывался взлеткой. Одним своим концом коридор упирался в огражденную железной решеткой комнату, предназначенной для хранения оружия, которую старшина использовал, чтобы складировать там гражданскую одежду солдат. Другим своим концом коридор упирался в тумбочку со стареньким телевизором и кассетным магнитофоном. В этой половине казармы располагались кровати солдат. На армейском языке эта часть казармы называлась «располагой». Взлетка делила расположение на две стороны. Также в казарме были две отдельные комнаты со столами, как в школе. Одна из этих комнат называлась Ленинской, все стены ее были увешаны армейской атрибутикой, государственной символикой, портретами руководителей государства и армии, а также фотографиями военной техники. Оказавшись в этой комнате, мы должны были чувствовать гордость за то, что служим в такой мощной и современной армии, что только в ней есть такая уникальная техника и такие герои-военные.

У ротного и старшины в казарме также были свои комнаты. Ротный сидел в канцелярии со своими командирами взводов, а старшина прохлаждался в коптерке, в которой хранилась зимняя одежда, противогазы и прочее солдатское имущество. Все было новеньким, блестяло, новенький линолеум на полу, краска на плитусах еще не успела высохнуть и стены были девственно чисты. Но даже свежий ремонт в казарме не мог никак избавить меня от ощущения казенности и убогости, которое я испытывал в казарме. Все было тут чужим, чопорным и безликим. Серые стены, топорно сделанные гладильные столы в бытовке, одинаково убогие во всех комнатах плафоны на лампах угнетали своим однообразием и отсутствием вкуса.

После ужина ротный потренировал нас одевать форму на время, после чего дал всем время посидеть спокойно в Ленинской комнате. Все кругом было насыщенно армейской спецификой, все вызывало в нас неподдельный интерес. С любознательностью пятилетнего ребенка мы вглядывались во все окружавшее и не переставали осыпать вопросами ребят из других областей, которые прибыли в часть немного раньше нас.

Впечатлений и эмоций от происходящего было так много, что большинство солдат тут же принялось писать письма родным и близким с подробным описанием увиденного.

– Слышь, а как правильно пишется слово «дорога»? Через «а» или «о»? «Дарога» или «дорога»? – обратился к соседу по парте рядовой Вилюм.

– Зачем тебе?

– Да хочу написать родителям, как ехать сюда. Ты знаешь, как пользоваться метро? Можешь помочь мне написать, как сюда добираться?

– Я сам не знаю. Сам в первый раз метро увидел. И родители у меня никогда не были в таком большом городе, как Москва. Не знаю, как они смогут разобраться, как сюда доехать.

– Вот он, наверное, знает! – посмотрел на меня Вилюм. – Ох, ни черта себе, сколько он накатал уже!

– Ты что, все подряд описываешь? Даже как в туалет ходишь, что ли описываешь? – засмеялись надо мной ребята.

– Нет, просто впечатлений очень много! – оправдывался я.

– На две страницы накатал! А я не могу даже полстранички написать. Не знаю, что еще написать родным – сокрушался рядовой Терентьев.

Первый день в армии подходил к концу. Мы сходили на ужин в столовую строем, подшили воротнички, поиграли в настольные игры, посмотрели последние новости и померзли на вечерней поверке на плацу. Наконец, приняв вечерний туалет и уложив форму на табуретки, как нас учили сержанты и ефрейторы, мы легли спать.

Нереальность происходящего не давала мне покоя. Мне не верилось, что я в армии, что я лежу в армейской койке, вокруг меня добрых шесть десятков таких же, как я молодых солдат, я нахожусь вдали от дома и ближайший год должен прожить тут. У меня уже есть армейская форма и эти портянки. Есть эти смешные кальсоны с дыркой между ног, но зато нет привычных носков и трусов. Господи, как это непривычно все!

– Рота, отбой! – прокричал дневальный со своей тумбочки. Дежурный по роте выключил свет в расположении, и мы все погрузились в темноту.

Не верится! Этого не может быть! Это сон! Это все происходит не со мной! Ну не может этого быть! Еще вчера я был в Воронеже, еще неделю тому назад я ходил на работу, у меня была совсем другая жизнь. А теперь я слышу «Рота, отбой!», теперь я военный. Не верится! Нет, это все существует только в моем воображении! Кто-нибудь, ущипните меня!

Похоже, не один я мучился в эту первую ночь и никак не могу уснуть. Солдаты шептались и ворочались, периодически вызывая на себя гнев дежурного по роте. Через час сон все-таки поборол меня и я заснул.

– Рота, подъем! – прокричал своим басом капитан Демьянов, тут же яркий свет ударил в глаза и солдаты испуганно засуетились. – Живо, подъем! Козлов, как я вас учил скидывать одеяло? Подъем, подъем!

Молодые солдаты быстро подскакивали с постелей и судорожно стали надевать на себя армейские штаны. Черт, какие же они неудобные! И этот ремень никак не хочет застегиваться! Да их тут еще и два! И эти пуговицы! Почему бы не сделать молнию! Черт бы подрал этих военных с их идиотской одеждой!

– Считаю до пяти, кто не успеет одеться и построиться на взлетке, будет всю ночь тренироваться! – прикрикнул Демьянов и продолжал важно расхаживать по расположению, внимательно разглядывая, как новобранцы мучаются с непривычными для них портянками и кирзовыми сапогами. – Раз! – окинул взором солдат капитан. – Два!.. Три!.. Четыре!... Пять! Смирно!

Солдаты испуганно замерли. Часть солдат уже успела выбежать на взлетку и построиться. Но не все из них успели застегнуть китель или надеть ремень. У многих из сапог торчали портянки. Остальные солдаты замерли в разных позах, как будто это была детская игра «Морская фигура, замри!». Рота погрузилась в тишину. Подбоченив руки и насупившись, Демьянов тоже замер. Поворачивая голову и злобно осматривая каждого солдата, он не произносил ни слова. Тишина и непредсказуемость ротного угнетали.

Выдержав по театральному длинную паузу, капитан прокричал «Рота, отбой!» и добавил: «Можно не укладывать одежду».

Солдаты бросились быстро снимать с себя форму и прыгать в постель. Но не успела еще вся рота лечь, как ротный снова командовал.

– Рота, подъем! Живо! Через пять секунд вы должны стоять на взлетке в полной форме и застегнутые на все пуговицы! Время пошло!

Дождавшись, пока все построится, капитан стал осматривать солдат. Он ходил вдоль строя и делал замечания. Немного поругав нас за медлительность, он снова скомандовал отбой. Ожидая нового подвоха, солдаты все же бросились укладываться. Наконец, когда все улеглись, ротный пожелал нам хорошо отдохнуть и потушил свет.

– Все, парни, на сегодня отбой. Хорошо Вам выспаться, не буду вас больше мучить. Вы устали, я понимаю. Спокойной ночи!

– Взаимно! – с подсказки сержантов, прокричала в ответ рота.

Удостоверившись, что ротный ушел, солдаты облегченно вздохнули и попытались уснуть. Но не прошло и десяти минут, как ротный снова включил свет в казарме и прокричал «Рота, подъем!». Недовольные солдаты подсакивали с постелей и побежали строиться.

– Кто?! Кто это сказал?! – вдруг неистово заорал Демьянов. – А ну выйди сюда и скажи мне это лично, если не боишься!

Солдаты замерли в испуге. Ротный обернулся и грозно посмотрел на солдат, одевавшихся в дальнем углу расположения, ища глазами солдата, который словами выразил то, что испытывали все солдаты роты в этот момент.

– Вы думаете, что мне обидно это слышать? Да вы мне комплимент сделали! – продолжал капитан. – Вы еще не знаете, что такое «заебать» по-настоящему! Я вас еще так... Вы у меня еще увидите, что такое настоящая служба! Что, кишка тонка, сознаться, кто это сказал?

Солдаты все также молчали и не двигались, боясь сделать хоть одно лишнее движение.

– Молокососы! На губах молоко еще не обсохло! Отбой, рота!

Солдаты еще долгое время не могли уснуть, ожидая нового прихода ротного и нового подъема, но капитан пощадил нас и дал поспать. Так закончился первый день в армии.

Глава 5. РМП

«Рота, подъем!» – прокричал сержант.

Вот и началась, наконец, моя служба! Пять минут на утренний туалет, построение на взлетке, переключка и мы уже на улице бежим вокруг казармы с сержантами и делаем упражнения на утренней зарядке.

– Бегом! Бегом! Бегом! Быстрее! – подгоняет нас сержант.

Заправка постелей, утренний осмотр, поход в столовую на завтрак, перекур в беседке возле роты. Все в бешеном темпе, не останавливаясь и не делая передышек.

И снова сержант кричит: «Бегом! Бегом! Быстрее!»

Утреннее информирование в роте, равнение кроватей и вот мы уже стоим на плацу перед командиром части.

Мне все еще не верилось, что это происходит со мной. Уж больно быстро и сильно изменился привычный мне образ жизни. Еще неделю тому назад я жил в другом городе, ходил на работу, и понятия не имел, что такое армия. Теперь же я стоял на плацу воинской части в числе трехсот военных, которые замерли по стойке «смирно» перед грозным полковником. Крупный мужчина с тремя полковничьими звездами на погонах и каракулевой шапкой на голове важно расхаживал перед строем. Все как во сне. Где я оказался? Кругом снег, все белое, тотальная тишина, нет машин, нет женщин, нет обыденной городской суеты. Кажется, что я оказался где-то очень далеко-далеко, где-то в заснеженном таежном краю, вдали от больших городов и магистралей. Здесь не летают птицы, не ходят трамваи и люди не спешат на работу, здесь нет магазинов, нет кино, здесь люди не говорят друг другу «Привет!», не спрашивают «Который час?», не играют в песочницах дети, здесь нет собак и кошек, здесь нет ничего, кроме снега и этих черных нежилых строений вокруг плаца. Только военные совершают непонятные мне перемещения перед строем и ходят строевым шагом.

Наконец, командир части объявляет: «Сводная рота на уборку территории, рота молодого пополнения на занятия! Офицеры и прапорщики на места постоянного несения службы! Разойдись!»

Рядом с командиром части все это время стоит начальник штаба подполковник Шибитов. Он не возмутим, серьезен и являет собой образчик настоящей мужественности, которую можно встретить только в армии.

– Разойдись! – повторяет красивым баритоном команду бравый офицер.

Рота молодого пополнения неумело чеканя строевым шагом плац, направляется к своей казарме. В казарме ее ждут занятия.

Шестьдесят человек расселись на табуретки в несколько рядов на взлетке, повернувшись лицом ко входу в казарму. Перед нами поставили стол, за который сел командир роты, раздали тетрадки и ручки и ротный начал свою речь.

– Так, отставить разговоры! Слушать всем сюда внимательно! – начал по обыкновению очень строго капитан. – Сегодня у нас с Вами первое занятие. Наконец, рота у нас укомплектована полностью. Как вы знаете, вчера прибыли последние призывники из Воронежа и теперь в таком составе вы будете здесь служить до присяги. Для вновь прибывших солдат поясню, что вы находитесь в роте молодого пополнения и тут вы будете проходить Курс молодого бойца. Как видите часть у нас небольшая, всего у нас три роты в части. Это казарма роты обслуживания, которая в обычное время здесь располагается, – развел руками офицер, показывая на стены – вы здесь гости, находитесь временно. Специально к вашему приезду здесь был проведен ремонт, поэтому прошу вас очень бережно относиться к имуществу, не пачкать стены и новый линолеум. Еще есть рота топогеодезического обслуживания и автомобильная рота. Сейчас эти три роты, на время пока вы не примите присягу и вас не распределят по ротам, объ-

единены в одну Сводную роту. Расскажу Вам немного как устроена армия. Ну, насчет званий, это вы наверно все отлично знаете, а если кто не знает в процессе службы узнает всю иерархию званий. Я не буду на это тратить время, расскажу вам из каких подразделений состоит армия. Самое маленькое воинское образование в армии называется отделением. Отделение состоит из десяти солдат, из десяти рядовых и командира отделения, младшего сержанта. Далее идет взвод. Взвод состоит из двух отделений, у него есть командир взвода – лейтенант или младший лейтенант и заместитель командира взвода. Это сержантская должность. Потом идет рота. Рота состоит из трех взводов. Скоро мы вас всех распре делим по взводам, но, наверное, на первое время мы поступим проще, каждый взвод будет состоять из солдат из одной области. В части у нас три роты, как я уже сказал. И наша часть является отрядом по армейской классификации, но устроена она по принципу полка, поэтому и командир нашей части полковник. Часть была организована в годы Великой Отечественной войны, служила всегда верой и правдой нашему Отечеству, за что была награждена орденом Ленина. При входе на территорию отряда вы видели боевой путь нашей части. У нас славное прошлое и, надеюсь, такое же славное будущее. У нас есть свое боевое знамя. Вы его еще увидите, конечно. Раньше у нас был наряд, солдаты несли караул возле воинского знамени, но сейчас оно просто стоит в штабе и участвует в разных торжественных мероприятиях. Например, когда происходит присяга или на день части, который у нас летом. Так, теперь записывайте тему нашего занятия, – произнес ротный и открыл лежавший перед ним на столе военный журнал. – Тема занятия «Служба в армии не долг, а почетное право». Так, слушайте внимательно!

Солдаты зашуршали тетрадями, переспрашивая друг у друга тему занятия. Некоторым не хватило ручек, и сержанты выдали ручки таким солдатам.

– Патриотизм – одна из наиболее значимых, непреходящих ценностей, присущая всем сферам жизни общества и государства, являющаяся важнейшим духовным достоянием личности, характеризующая высший уровень ее развития и проявляющаяся в активной деятельности самореализации на благо Отечества. – продолжал читать командир – Патриотизм олицетворяет любовь к своей Родине, сопричастность с ее историей, культурой, достижениями, проблемами, притягательными и неотделимыми в силу своей неповторимости и незаменимости, составляющими духовно-нравственную основу личности, формирующими ее гражданскую позицию и потребность в достойном, самоотверженном, вплоть до самопожертвования, служении Отечеству. Он представляет собой своего рода фундамент общественного и государственного здания, идеологическую опору его жизнеспособности, одно из первоосновных условий эффективного функционирования всей системы социальных и государственных институтов.

Солдаты начинали скучать и ерзать на своих неудобных табуретках. Кто-то пытался записывать за командиром, кто-то в тетрадке писал письмо родным. Большинство жутко мучилось в неудобной позе и не очень понимало, что нужно записывать, а что нет. Рядовой Перепелкин весь свой художественный талант направил на то, чтобы нарисовать на весь лист большой мужской детородный орган.

– Смотри, Воробей... – шепотом обратился к сидящему рядом рядовому Воробьеву. В ответ Воробьев тихо рассмеялся и нарисовал такой же орган у себя в тетради.

– Встать, солдат! – издал командир очень рассержено. – Да, да я к тебе обращаюсь! Встать надо, когда к тебе обращается старший по званию! Тебя это тоже касается, Воробьев! Чем вы там занимаетесь?!

Сержант Фадеев подошел к Перепелкину и Воробьеву, выхватил из рук их художества и передал их ротному.

– Это что такое?! Я вас спрашиваю, что это такое?! – разъяренно вскричал офицер. – Что молчим?!

– Мы больше не будем – опустив головы, понуро отвечали солдаты.

– Что значит, не будем? Вы где находитесь, отморозки?! Это вы в детском саду так можете отвечать! Вы вообще себе отчет отдаете в своих действиях? Ничего святого в вас нет! Вы понимаете, что вы пришли в армию служить? Служить! И это вам не игрушки! Вы пришли сюда Родину защищать! Вы знаете, что я могу вас под трибунал отдать за порчу военного имущества!

Слова Демьянова прозвучали угрожающе для всех солдат. Рота притихла, боясь шелкнуть.

– Садитесь! Еще раз такое увижу, – капитан демонстративно сжал свои богатырские кулаки – пеняйте на себя! У меня разговор короткий.

Дема замолчал. Мучительная пауза повисла в воздухе.

– Одним из направлений в воспитании у личного состава Вооруженных Сил РФ патриотизма, верности воинскому долгу, готовности к достойному служению Отечеству является патриотическое направление. – продолжил капитан. – Оно заключается в воспитании важнейших духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, отражающих специфику формирования и развития нашего общества и государства, национального самосознания, образа жизни, миропонимания и судьбы россиян. Оно строится на беззаветной любви и преданности своему Отечеству, гордости за принадлежность к великому народу, к его свершениям, испытаниям и проблемам, почитании национальных святынь и символов, готовности к достойному и самоотверженному служению обществу и государству...

– Дежурный по роте на выход! – разнеслось по всей казарме.

Младший сержант Володин, который все это время стоял, опершись на стенку в коридоре, и наблюдал за происходящим из-за спины командира роты, нехотя повернулся в сторону входа в казарму, поправил форму и отправился встречать зашедшего офицера.

Через минуту в расположение зашел небольшого роста военный – подполковник Свисюк.

– Встать! Смирно! – скомандовал ротный и сам встал, приветствуя старшего по званию.

– Садитесь, садитесь! – дружелюбно ответил офицер.

– Присаживайтесь, товарищ полковник! – уступил ему свое место Демьянов.

Это был один из главных офицеров части, который отвечал за профилактику правонарушений. Он поставил стул сбоку стола, присел на край стула и стал беседовать с нами.

– Да, я мог бы многое рассказать вам про долг перед Родиной и про историю сражений за нашу страну, про подвиги простых солдат во время Великой Отечественной войны. Вы знаете, я долгое время служил в Таманской дивизии. Знаете, что такое дивизия? Я был командиром батальона. Столько насмотрелся за время службы, ни одну книгу можно написать. Таманская часть, в отличие от нашей части, боевая, находится в постоянной готовности в любой момент выступить на линию фронта, начать боевые действия. С нашей маленькой частью ее, конечно, сравнивать нельзя. Поэтому я за время своей службы не раз видел, как гибнут солдаты, гибнут за Родину, за наше с вами Отечество. Много было разных случаев. Но имеет ли смысл сейчас все это вспоминать? Уверен, раз вы здесь и сейчас, вы уже сами совершили свой маленький подвиг. В наше время духовного нищания и безнравственности, полного обесценивания слова «патриот», я вас всех считаю героями и патриотами нашей Родины. Вы пошли служить стране, хотя ваши друзья-сверстники откосили от службы, хотя средства массовой информации постоянно очерняют нашу армию, упорно создавая в вашем сознании отвратительный образ армии, как место, где царит жестокая дедовщина и армейское самодурство. И я не считаю, что вы просто неудачники, которые не смогли откупиться, отмазаться от службы. Вы уже совершили поступок взрослого мужчины и это ваш первый шаг к возмужанию и нравственному взрослению. Уважайте себя за это! Многие из вас до армии не имели возможности регулярно питаться, некоторые никогда не спали в своей жизни на чистых простынях, не знали нормальных бытовых условий. Армия вам все это дает. В армии вы станете взрослее и более приспособленными к сложной взрослой жизни.

– Товарищ полковник, а можно вопрос?

– Во-первых, не «можно», а «разрешите». А во-вторых, когда обращаешься к старшему по званию, наверное, нужно встать и представиться. Так ведь, солдат? – вмешался в разговор капитан Демьянов.

– Что за вопрос? – проводя рукой по усам, посмотрел на солдата Свисюк.

– Рядовой Пучков. Я хотел спросить, товарищ полковник, а дедовщина в части есть? – осмелился спросить солдат то, что больше всего волновало в этот момент солдат.

– Садись, солдат... – казалось Свисюк был немного озадачен прямоотой вопроса и с трудом подбирал слова для ответа. – То, что вы называете дедовщиной, вообще-то, правильно называется «неуставными отношениями». Любые неуставные отношения в армии запрещены. Вам повезло, что вы попали в такую хорошую часть, где дедовщины почти нет. Конечно, смотря, что считать дедовщиной. Если старослужащий делится с вами своим опытом и считает себя вправе давать вам советы, указывать, как лучше сделать, как поступить в какой-то ситуации, так в этом ничего страшного нет. В конце концов, он отслужил больше, чем вы, он опытнее вас, делает все немного быстрее, он быстрее одевается, быстрее заправляет постель, быстрее соберет автомат. Это нормально, я считаю. Но вот издевательства при этом, конечно, не допустимы. Если из вас вымогают деньги, избивают, заставляют делать всю тяжелую работу за старослужащих, тогда другое дело. Служба солдата очень тяжела и понятно желание старослужащих переложить на плечи молодого солдата всю самую тяжелую и неблагодарную работу. Но перед уставом все равны. А это значит, что рядовой не имеет права командовать другими рядовым. В ваших силах не допустить этого! У вас очень большой призыв – шестьдесят человек. В прошлые годы мы призывали меньше, поэтому в этом году численно вас гораздо больше, чем старослужащих. А значит, вместе, сообща вы всегда сможете дать отпор старослужащим. Просто держитесь вместе и никто вас не тронет! Мы проводим целенаправленную работу в части по пресечению любых неуставных отношений. Каждый год мы стараемся призывать больше солдат с высшим образованием. Мы давно уже заметили, что люди с высшим образованием менее склонны к дедовщине. Такие солдаты взрослее и образованнее, они более дисциплинированы и ответственны. Кроме того, нами постоянно ведется работа по выявлению и пресечению самих случаев неуставных отношений и наказанию виновников. Нарушение воинской дисциплины, неуставные отношения – это преступление, за которые мы вправе отдать вас под суд. Об этом вы должны помнить. Каждые полгода один солдат из части уезжает в дисбат за неуставные отношения. Как раз сейчас я оформляю документы по одному такому случаю. Солдат из РТГО, которому оставалось служить меньше полугода, избил молодого солдата рядового Негодяева. Теперь этот старослужащий вместо дембеля будет год служить в дисбате, а после этого вернется в часть дослуживать свои полгода. Потому что срок отбывания в дисбате не засчитывается в срок службу. Так что вы должны себе четко представлять, чем вам грозит нарушение устава. Не становитесь на эту скользкую дорожку. Зачем вам осложнять самим себе жизнь? Отслужите спокойно два года, вернетесь домой окрепшими, возмужавшими, здоровыми, сильными.

– Товарищ полковник, разрешите вопрос? Рядовой Прядкин.

– Слушаю тебя, солдат. Задавай вопрос!

– Товарищ полковник, вы говорили, что рядовой не имеет права приказывать другому рядовому. А если старший по званию, например, сержант требует от солдата невозможного, приказывает сделать что-то, чего не имеет права требовать по уставу. Что тогда делать солдату? Выполнять приказ?

– Закономерный вопрос. Хороший вопрос! Присаживайся, Прядкин! – Свисюк на секунду задумался. Он отодвинул свой стул еще дальше от стола, сев на самый конец стула, всячески демонстрируя, что он хочет быть ближе к нам. – Да, приказы, могут быть всякими и не всегда подчиненному может быть ясна конечная цель приказа. – развел руками офицер. – Именно поэтому, в армии действует принцип беспрекословного исполнения приказа. Приказы

не обсуждаются, приказы выполняются немедленно. Ваши сержанты – это ваши начальники. Их слово для вас закон. Как быть тогда, если они вам приказывают что-то, что вам кажется неправильным, противозаконным, ущемляющим ваши права? Сначала вы должны выполнить приказ. Даже если вам прикажут умереть – сначала вы должны выполнить приказ. Потом только пишете рапорт командиру роты.

По рядам солдат прокатился смех.

– А что вы смеетесь? Именно так, сначала бросаетесь на пулемет, закрываете своим телом амбразуру, а потом пишете рапорт. – продолжал офицер. – Если ваш рапорт проигнорировали, тогда специально для вас мы сделали возможность обратиться с жалобами к руководству армии. Для этого вот тут – Свисюк указал на неприметный с виду почтовый ящик, который висел при входе в расположение чуть ниже выключателя – висит специальный почтовый ящик с адресом приемной министра обороны, куда вы можете смело писать свои письма. Кроме того, у командира роты, и у меня, и у командира части есть специальные дни и часы приема, когда вы можете обратиться к нам напрямую с любыми вашими проблемами. Так что все в ваших руках. Если больше вопросов нет, то разрешите откланяться.

– Встать! – скомандовал ротный. – Ты и ты относите стол в комнату, остальные расставить стулья и построиться на взлетке. Дневальный, строй роту!

– Рота, стройся возле тумбочки дневального! – прокричал дневальный со своей тумбочки.

На улице стояла настоящая зима. Снег шел постоянно. Воинская часть превратилась в снежный городок, в котором не осталось и следа от прежней армейской серости. Темные зимние дни были заполнены постоянной уборкой снега, в коротких передышках между этой важной воинской задачей нас готовили к присяге. Мы изучали устав, учили текст присяги, ходили строем, маршировали и учились собирать автомат на пустующем втором этаже нашей казармы.

Вечером второго дня грипп, который я подхватил еще на пересыльном, наконец, взял верх надо мной и ротный отправил меня в санчасть, располагавшуюся в торце соседней казармы напротив штаба части.

Молоденький лейтенант медицинской службы Майков осмотрел меня без особого энтузиазма и выделил свободную койку в одной из трех комнат санчасти.

– Савицкий! – прокричал лейтенант на всю санчасть. – Где тебя, холера, носит?

– Здесь я, товарищ лейтенант.

– Будешь выдавать бойцу аспирин каждый раз после еды и проверять температуру.

– Хорошо.

– Да, и что там с туалетом? Помыл его?

– Заканчиваю.

– Ладно, иди отсюда! Глаза бы мои на тебя не смотрели!

Рядовой Савицкий дослуживал свои последние деньки. Он был последним из своего призыва, кто еще не уволился. История умалчивает, почему так получилось, но в армии солдат, которые увольняются под Новый год, называют «дедами Морозами». Савицкий всегда находился в прекрасном настроении, не обращая внимания на шутки офицеров, которого любили над ним подшучивать, и, как и все дембеля, позволял себе вести полугражданский образ жизни, носить под формой гражданскую теплую одежду и давно уже отпустил волосы, готовясь к жизни после армии.

– Эй, Вилюм, как самочувствие, боец? – обратился он к моему соседу по комнате.

– Хорошо.

– Короче, есть боевая задача для тебя. Ты же хочешь послужить Родине? Ну, тогда слушай задачу: берешь тряпку и ведро и идешь мыть полы в туалете.

– Но... – хотел было возразить солдат.

– Что «но»? Ты что уже выздоровел? В роту захотел или хочешь, чтобы я и дальше молчал и не говорил лейтехе, что ты градусник на батарее греешь?

– Ну ладно, ладно! – недовольно проворчал солдат и нехотя встал с постели. – Так бы сразу и сказал! А то «как твоё здоровье?», «послужить Родине»!

Неделю я провел в санчасти, почти забыв, что я нахожусь в армии. Днем читал книжку «Трое в лодке, не считая собаки» на английском языке, чтобы не потерять навыки английского, а по вечерам после отбоя вместе с другими больными смотрел фильмы. По телевизору постоянно крутили клип испанской группы «Las Ketchup» с их хитом «Asereje». Как только на экранах появлялись девушки этой группы, все солдаты прилипали к экранам. На три минуты мы переносились далеко-далеко из заснеженной России на райские острова где-то в Средиземном море, окунались в атмосферу счастья и беззаботной жизни. Потом нас ждало жестокое разочарование, потому что в такие минуты мы особенно сильно чувствовали, что девушек мы увидим еще очень не скоро. Один только «дед Мороз» веселился и пританцовывал: «О, девчонки, я еду к вам!».

Иногда к нам наведывались дежурные офицеры, обычно перед отбоем, чтобы проверить порядок, часто заходили молодые солдаты мазать зеленкой мозоли, от которых мучилось полроты РМП, не привыкшей ходить в портянках, да наш ротный любил захаживать к лейтехе, чтобы пропустить с ним стопку другую припасенного медицинского спирта. Но, в основном, мы были предоставлены сами себе. Здоровье солдат не очень волновало Майкова, сам он был не частым гостем в санчасти, предпочитая компанию капитана Демьянова и прапорщика Мотузина в РМП. Поэтому лейтенант понятия не имел, что у него в санчасти лежат здоровые солдаты, которых давно уже пора выписывать.

Наконец меня вернули в роту, Савицкого с почестями демобилизовали, а на его место назначили Прядкина, который так мечтал служить в санчасти. В роте мне пришлось заново привыкать к армейскому распорядку дня, постоянным крикам сержантов и бесконечным построениям и перекличкам.

Но больше всего я уставал от такой армейской процедуры, как «равнение кроватей». Начиналась она утром, после зарядки, повторялась регулярно по несколько раз в день и длилась в среднем от получаса до часа. Заправлять надо было не просто свою кровать утром, а нужно было постоянно в течение дня свою и чужие постели поправлять, отбивать кантики и следить за тем, чтобы полоски на всех кроватях в расположении были в одну линию параллельно рядушкам. А рядушки в свою очередь должны быть в одну линию и параллельны полосам на линолеуме. В свою очередь, подушки, прикроватные тумбочки, цветы на тумбочках и все остальные предметы в казарме также должны подчиняться этому правилу тотальной параллельности и перпендикулярности.

Ловкими движениями сержант Попов несколько раз показал нам мастер-класс, как правильно заправлять армейские койки, после чего мы скоро научились также ловко и быстро заправлять постель сами. Но этого сержантам было недостаточно. Нужно было не просто заправить постель и выровнять все остальные кровати. Нужно было сделать кантик. Кантик – это любимая забава всех военных. Кантик в армии должен быть везде и во всем. Постель не достаточно было заправить аккуратно, нужно было еще при помощи специальных дощечек с рукоятками или же перевернутой табуреткой отбить кантик, для этого двумя дощечками наносились удары одновременно сверху и сбоку до тех пор, пока все углы заправленной постели и подушки не становились прямыми.

Так же с кантиком летом подстригался кустарник на территории части, солдаты с кантиком подстригали каждый вечер друг другу затылки, а сугробы в армии обязательно должны

иметь вид правильных параллелепипедов, быть одинаковой высоты на все территории части. Одним словом, кантик – это квинтэссенция всего армейского единообразия и уставного. Это уставная догма, возведенная в ранг абсолюта. Маниакальное стремление военных к единообразию, постоянное равнение кроватей и борьба за кантик никак не могли ужиться в моей голове с тем, что я уже успел увидеть в армии за эти дни: сержантом Володиным, который читал нам Устав по слогам, вороватым старшиной роты Мотузиным, постоянно пьющими на службе Майковым и Демьяновым.

Я искренне удивлялся, зачем нужно было равнять кровати так долго и по несколько раз за день, если любому, даже молодому солдату хватало пяти минут, чтобы идеально ровно заправить свою постель. Кроме того, солдатам запрещено было в течение дня лежать или просто сидеть на кроватях. С этим приходилось просто мириться и продолжать дальше равнять кровати.

Утренняя процедура по заправке постелей была в самом разгаре. Дневальные домывали полы, остальные солдаты, только что пришедшие с зарядки, суеились вокруг постелей. Сержанты Володин и Фадеев о чем-то громко смеялись, стоя в дверях умывальной комнаты, Попов стоял широко расставив ноги посреди расположения с пультом в руках и щелкам по разным каналам.

– Иванов, что тупим? – подгонял ефрейтор Ретюнских молодых солдат. – Что встал Иванов? У тебя руки откуда растут? Ты что постель заправить нормально не можешь? Первый день в армии что ли?

Иванов судорожно бегал вокруг кровати, лоб его покрылся испариной. Постель упорно не хотела поддаваться, края постели топорщились из-за того, что покрывало было слишком сильно натянуто, кантик никак не получался. Я поспешил на помощь боевому товарищу, памятуя об обещании данному Коробову.

– Запомните, бойцы, жизнь солдата сложна и когда вы перейдете в роту, вам жизнь в РМП покажется раем. Поэтому вам надо сейчас привыкать ко всем тягестями и не расслабляться, – поучал нас Попов – Хлопцев, Ретюнских, что молчим? Что успокоились? Что сами хотите заправлять постели? Что расслабились?

Ефрейторы, как верные церберы сержантов, набросились на нас с новой силой и рота забегала вокруг кроватей еще быстрее.

– Рота, стройся возле тумбочки дневального на утренний осмотр! – раздался привычный крик дневального.

– А ну быстро все в строй упали! – закричал из умывальной комнаты Фадеев.

Солдаты бросились строиться, между делом забежав в умывальную комнату, чтобы в специально отведенном для этого уголке почистить сапоги перед предстоящим осмотром.

– Первая шеренга, два шага вперед! – проводил утренний осмотр в нашем взводе младший сержант Володин и трудно было не заметить, что это ему доставляло огромное удовольствие.

Володин упивался своим недавно обретенным сержантским статусом и своей властью над нами. Низко спущенный армейский ремень с начищенной медной бляхой, увешанная всевозможными значками и нашивками грудь, а также заправленный с характерным для всех старослужащих сзади хвостом китель настойчиво нарисовали в моем воображении образ молодого петушка, который красуется перед насестом с курочками и образ дешевого деревенского мачо, который пришел в сельский клуб кадрить девчонок.

– Первая шеренга, кругом! Снять головные уборы! Содержимое карманов в шапки! – продолжал младший сержант.

Осмотрев наши шапки и выкинув из них на пол все, что не полагалось таскать с собой, Володин продолжал осмотр.

– Бесплов, ты, что не бреешься? – обратился ко мне Володин.

– Бреюсь, товарищ младший сержант – отвечал я – Просто у меня тонкая кожа на лице, даже после бритья видны волосики усов под кожей.

– Эй, Фадей, иди посмотри! – недоверчиво рассматривая мое лицо, позвал Володин своего товарища.

– Ну... – удивленно посмотрел на меня Фадеев – Ну, значит бывает. Но в следующий раз тщательней брейся, солдат!

– Есть! – ответил я.

Сержанты продолжили утренний осмотр.

– Что вы таскаете с собой календари? Дни что ли считаете до дембеля? Вам до дембеля еще как до Луны! Не положено вам иметь календари! Мало прослужил, сынок! – отчитывал Володин рядового Перепелкина.

Володин порвал календарь на мелкие кусочки и бросил на пол.

– Через пару недель любая бумага в ваших карманах превратится в труху, замучаетесь штаны отмывать! Мы же о вас заботимся! – добавил Попов. – Запомните, все что вам полагается носить с собой: военный билет и носовой платок, еще разрешается носить одну, подчеркиваю, одну пачку сигарет и зажигалку. Все остальное не положено и будет изыматься!

– Кругом! Наклонить голову вперед! Правую ногу на носок! – Володин проверял наличие кантика на затылках и состояние каблуков на сапогах.

Провинившиеся получали подзатыльник и удар по пятке. После этого следовала проверка наличия обязательных клеймений на одежде, сапогах, ремне и шапке. Также проверялась намотка ниток, которые полагалось делать из ниток двух цветов: зеленого и черного, которые наматывались на иголку, приколотую на скрытой части шапки. Проверялась чистота подворотничков, длина стежков – они не должны быть больше одного сантиметра, а также проверялась длина ногтей. Если у солдата на осмотре были длинные ногти, ему полагалось наказание от сержанта в виде удара бляхой по ногтям.

– Получай! А никого не волнует, что у тебя нет ножниц! В следующий раз родишь ножницы! – приговаривал Володин, когда наказывал провинившегося. – А если не хватает времени днем, вставай ночью и приводи себя в порядок.

– Кругом! Первая шеренга встать в строй! – почти одновременно скомандовали замком-взвода своим солдатам.

– Становись! Равняйся! Смирно! Рядовой Перепелкин, рядовой Воробьев, рядовой Сеницын, выйти из строя! – командовал сержант Фадеев.

Солдаты сделали два шага вперед.

– За ненадлежащий внешний вид объявляю вам по одному наряду вне очереди! Придете с завтрака и отпидорите сортир. Встать в строй! – Есть! – отозвались провинившиеся.

– Командуй, Володя! – передал бразды правления в роте Фадеев.

– Одеваемся и выходим строиться на улицу – подхватил Володин.

Стук армейских кирзачей и хлопанье входной дверью на пару минут наполнили помещение казармы какофонией звуков.

– Так, что за пиздешь?! Кто разрешал разговаривать? Кто последний выйдет из казармы будет после завтрака помогать тем троим пидорить очки!

На улице нас ждал декабрьский мороз и традиционная песня по дороге. Армейская столовая находилась в паре сотни метров от нашей казармы и представляла из себя двухэтажное здание с офицерским клубом, музеем части и помещением для приготовления пищи на первом этаже и большим залом для приема пищи на втором. Быстро повесив свои бушлаты и ополоснув руки на первом этаже при входе, мы забежали на второй этаж и построились в несколько колонн рядом со столиком, где завтракал дежурный по части.

– Равняйся! Смирно! – командовал Володин, стоявший напротив роты. – Равнение направо!

Володин находился в отличном настроении и продолжил свои кривляния. Приложив на манер французских военных руку к виску ладонью вперед, он манерно выпятил свою грудь и улыбался.

– Товарищ капитан, рота молодого пополнения в составе пятидесяти пяти человек на прием пищи построена! Командир отделения – младший сержант Володин. – обратился сержант к офицеру, сидящему за столом.

Капитан неторопливо поднялся и стал внимательно оглядывать стоящего перед ним «клоуна».

– Вольно... – недоверчиво произнес капитан.

– Вольно! – повторил сержант, делая доворот в нашу сторону.

– Ну, докладывай, Володин! Где остальные?

– Ха-ха – не сдержался Володин – Трое в наряде по роте, двое в санчасти, один из них болен, другой санинструктор...

– Понятно... – еще раз с недоверием посмотрел на Володина капитан, – Заводи!

– Ха-ха, слева по одному!

Вереница голодных солдат потянулась вдоль раздатки. Казалось все солдаты, которые сидели в зале, внимательно осматривали молодое пополнение. От их леденящего взгляда на душе становилось неуютно. Впереди шли сержанты и ефрейторы, которым повара охотно добавляли порцию.

– А можно мне тоже добавки? – обратился я к повару, чье лицо мне показалось очень знакомым.

– Можно Машку за ляжку! – скривил злое лицо мне человек в белом халате и поварском колпаке. – До фи́га отслужил что ли солдат?

– Ну, а все же? Тебе что жалко?

– Нет, я сказал! Ты что русского языка не понимаешь?! Не задерживай роту! Иди отсюда!

– Эх, встретил бы я тебя под Сталинградом в сорок третьем... – расстроено произнес я.

Рядом с окном хлебореза на столике лежали два подноса с нарезанным черным хлебом, который остался после предыдущих приемов пищи. Я взял себе пару горбушек, чтобы набить чем-то желудок.

– Ты что делаешь? – послышался предостерегающий шопот рядового Горохова за спиной. – Положи на место! Ты что не знаешь, что нельзя брать отсюда хлеб? Нехватом станешь!

– Сами вы нехвататы! Я кушать хочу!

Лавки и столы РМП располагались в дальнем углу зала. Мы расселись и принялись завтракать. Многие солдаты старались занять места поближе к сержантам, которые иногда угощали колбасой и маслом.

На завтрак нам полагалась гречневая каша с подливкой, в которой вместо мяса были только шкварки. Сегодня был понедельник, командирский день, а значит, командиры рот должны были присутствовать на завтраке вместе с солдатами.

В столовую зашел Батя в сопровождении начальника столовой прапорщика Пешкова и ротных. Рядом услужливо суетился дежурный по столовой. Батя по-хозяйски расхаживал по залу, заглядывал в тарелки солдат и отпускал все новые и новые распоряжения.

– Сидите, сидите! – произнес полковник Быстров, подходя к тому месту, где сидела рота молодого пополнения. – Когда вы кушаете или работаете, не зачем вставать. Приятного вам аппетита!

– Взаимно! – дружно отозвалась рота и продолжила уплетать кашу.

– Ну как вам армейская пища, бойцы? Нормально вас кормят? Есть какие-то просьбы, пожелания? Да вы не стесняйтесь, говорите!

– Товарищ полковник, все хорошо, но только мало, нельзя ли хоть немного увеличить порции?

– Ну что же... учтем... Товарищ старший прапорщик возьмет ваше замечание на заметку. Так ведь Иван Андреевич? – обратился Батя к стоящему от него по левую руку начальнику столовой.

– Будет сделано, товарищ полковник! – вытянулся Пешков в струнку, пытаясь спрятать свой живот.

– Ну ладно, кушайте! Кушайте! Наедайтесь! Набирайтесь сил! – сказал командир и вместе со своей свитой проследовал в офицерский зал, где его ждало специальное угощение.

За каждым столом в солдатской столовой умещались сразу восемь человек. Солдаты быстро ели и обсуждали последние новости, которые могли обсудить только во время приема пищи, потому что в другое время солдаты были заняты

– Мавлей, а как же ты ешь сало? Это же свинина! Разве мусульманам можно есть свинину? – обратился один из солдат к призывнику из Ингушетии.

– Видишь, я в тенечке сижу?

– И что из этого?

– Аллах меня не видит, так что ничего страшного нет!

Солдаты дружно рассмеялись.

– Закончить прием пищи! – командовал Володин, вставая из-за стола, – По команде «Закончить прием пищи» вы должны убрать руки со стола и ждать следующей команды. Отставить разговоры!

Сдав свой поднос с грязной посудой на мойку, Володин вернулся.

– Выходим строиться! Живее давай! А тебя что, солдат, это не касается? Выходим строиться!

Запахив горбушки черного хлеба в карманы и сдав посуду я вместе с другими выбежал на улицу.

– Что-то я совсем не наелся... – грустно произнес Женя Козлов.

– Ага, только раздражили желудок – перешептывались солдаты в строю.

– Отставить разговоры! – командовал ротой Володин. – Шагом марш!

На встречу роте шел одинокий солдат сводной роты. Он был небольшого росточка с огромными румяными щеками, он двигался уверенными шагами по направлению к столовой, держа руки в карманах.

– Духи, в роте вам пизда!!! – прокричал вдруг всей роте незнакомец.

Как гром среди ясного неба прозвучала его угроза. Взгляд солдата выражал крайнее признание к нам. Володин радостно заулыбался. Мурашки побежали по спинам солдат. Впервые с начала службы, несмотря на все увещивания наших командиров, что в части нет никакой дедовщины, мы почувствовали страх перед той невиданно жесткой силой, которая находилась где-то тут же рядом в части и от которой трудно было ожидать чего-то хорошего. Никто не знал, что такое дедовщина в действительности, кто такие деды и чем грозит встреча с ними. Но злобный оскал проходившего мимо солдата не оставлял нам никаких сомнений, что после перехода в роту к старослужащим нас ждут тяжелые времена, нас ждут испытания и возможно сопряженные с риском для здоровья. Мы понятия не имели, что нас ждет, но это незнание и неизбежность встречи с ним нас пугали. Какое-то злое и кровожадное чудовище по имени «дед» жило рядом с нами в части. Оно затаилось и ждало. И вот сегодня мы увидели пока только его глаза, красные глаза налитые кровью, эти глаза пока всего лишь осматривали, оценивали нас. Страшное чудовище нагуливало аппетит.

– Привет, Круглый! – бросил ему Володин – Держи, краба!

– Привет! – пожал на ходу протянутую руку рядовой и пошел дальше.

Рота подошла к казарме.

– На месте стой! Налево! Справа по одному в казарму шагом марш!

Сегодня весь день шел снег, зима набирала обороты, температура неуклонно ползла вниз, приближаясь к минус тридцати. По ночам в роте было очень холодно, и ротный разрешал нам поверх тоненьких одеял укрываться бушлатами.

Часть мгновенно покрывалась метровыми сугробами снега, солдаты постоянно его убирали, но снег продолжал идти дни напролет. Почти все дни мы проводили на улице, очищая плац, дорожки вокруг казармы и Аллеи Славы и дорогу в столовую, которая также была закреплена за нашей ротой. Отдельные взводы поочередно занимались строевой подготовкой с сержантами на плацу, но чем ниже становилась температура, тем чаще занятия переносились на незаселенный второй этаж казармы. Остальные солдаты продолжали убирать снег.

Злой ветер дул в лицо, поднимал снежинки вверх, словно никак не хотел мириться с армейскими порядками. Природа отторгала кантики и любую попытку навести порядок на вверенной солдатам территории. Дорога в столовую стараниями солдат обрастала новыми сугробами по обочине, но снега на самой дороге упорно не становилось меньше. Через полчаса прохода по ней скребками и лопатами новый слой снега не оставлял и следа от проделанной работы.

Я впервые увидел, как Коробов выглядит в военной форме. Он одиноко шел в столовую своей четкой уверенной походной. Военная форма изменила его до неузнаваемости, теперь он совсем не походил на того молодого щегла, каким он выглядел на пересыльном. Суровый мужчина, который каким-то невообразимым образом за неделю, казалось, вырос на целую голову и оброс грудой мышц, шел мне навстречу.

– Здравия желаю, товарищ капитан!

– Ну, здравствуй, здравствуй, Беспалов! – улыбнулся мне в ответ Коробов своей лучезарной улыбкой, – Как поживаешь? Как служба?

– Да вроде бы все в порядке. Только вот болел я недавно. Даже в санчасти лежал.

– В санчасти, говоришь, лежал... Хочешь я дам тебе совет один? Если ты хочешь нормально служить в армии, ты должен забыть о всяких болезнях. Это армия, здесь не любят тех, кто отлынивает от службы и валяется по больницам.

– Я знаю, товарищ капитан. Но у меня была высокая температура... – попытался я оправдаться.

– А это никого не волнует! Учти, если еще раз услышу, что ты лежишь в санчасти, я тебя к себе в штаб не возьму. – грозно посмотрел на меня Коробов. – Мне такие солдаты не нужны. Будешь вместе с другими солдатами копать окопы от забора и до обеда. Ты меня понял?

– Я все понял... – опустил виновато голову я – А когда я буду заниматься нормальной работой?

– Ты сначала присягу прими! Будешь нормально служить, в апреле сядешь за компьютер. Только не подведи меня! С русским языком, с грамотностью у тебя все нормально?

– Да вроде бы нормально. Ну, относительно, конечно...

– Ладно, Женька! Хорошо служи и все у тебя будет хорошо! Главное не лентяйничай и время пролетит быстро!

– Спасибо, товарищ капитан! Я не подведу.

– Я знаю. Успехов тебе! – произнес Коробов на прощание, пожал мне руку и удалился по направлению в столовую.

Через каждый час мы должны были греться в казарме. А самое теплое место в казарме была сушилка. Прислонившись спиной к батареям, мы пытались заpastись теплом до следующего выхода на улицу. Набившиеся в сушилку солдаты за прошедшую неделю уже успели достаточно хорошо узнать друг друга. У некоторых солдат появились прозвища. Теперь это уже была не безликая масса одинаковых солдат. Солдаты стали постепенно меняться, речь солдат стала все больше походить на речь военных. В ней стало еще больше мата и специфических армейских ругательств.

– Слышали, что сегодня сказал этот солдат из сводной роты? – не унимался рядовой Горохов. Это был шупленький восемнадцатилетний парнишка с тоненькими ручками и длинными пальцами.

– Свисюк говорил, что нет в части дедовщины... – мрачно оппонировал рядовой Шемотюк.

– Да кого ты слушаешь? Ему что дедушки обо всем докладывают? Он что стоит за дверью, когда дедушки «воспитывают» молодых?

– Нас все равно намного больше! Мы сильнее! Возьмем количеством! Правильно я говорю, Леха? – обратился рядовой Шемотюк к вошедшему в сушилку погреться рядовому Басову.

Леха Басов был словно сказочный герой. С лицом старичка и ростом метр с кепкой в свои неполные девятнадцать лет, он все делал по-деревенски неспешно и обстоятельно. За деревенский говор на «о» его в роте быстро прозвали «Костромой». Но сам он был не из Костромы, а из Ярославской области, что не меняло сути, потому что всю жизнь он прожил в глухой глубинке, в большой деревенской семье. С детства привык к тяжелому ручному труду, о чем свидетельствовали его большие мозолистые руки. Он никогда не обижался, если его передразнивали, и всегда готов был отозваться на любую просьбу товарищей.

– О, Леха, Леха Басов пришел! – обрадовался младший из братьев Жидких Андрей и попытался спародировать характерный говор Басова, – Здорово, Леха! Ты, правда до армии работал водителем кобылы?

– Чур, тебя! Сам ты водитель кобылы! Электриком я работал! У меня даже допуск есть для работы с высоким напряжением! То-то!

– Леха, что делать будем?

– А что случилось-то?

– К дедушкам в роту хочешь?

– А, чему быть, тому не миновать. Ну, поколотят маленько... Что об это говорить? Вы бы вон ноги лучше отряхивали при входе в казарму. А то грязь развели, а дневальным убирать за вами!

– Так, я не понял, что за посиделки устроили?! – через открывшуюся дверь сделал нам замечание сержант Фадеев. – Что уже все убрали? Работы никакой нет что ли? Вам работу найти?

Не знаю, что лучше: убирать снег в двадцатиградусный мороз или маршировать в тоненьких портянках по плацу, но постоянные работы на свежем воздухе шли нам на пользу, мы закалялись и крепили. Никогда, наверное, еще я за всю свою жизнь не проводил столько времени на улице, на свежем воздухе.

Правда, свободного времени с каждым днем становилось все меньше и меньше. За день ломалась пара совковых лопат, солдаты натирали новые мозоли на ногах с непривычки и из-за этого постоянно бегали в санчасть. Но более всего солдаты страдали от холода. Не помогали ни ватные штаны, ни валенки, ни тулуп с варежками, выданные старшиной для уборки снега. Все чаще мы бегали в казарму греться. Настоящий отдых для солдат наступал только после ужина. Это было единственное время, когда мы могли заняться своими делами. Сняв кители и сменив тяжелые кирзовые сапоги на резиновые тапочки, солдаты бродили на казарме в поисках занятия. Телевизор смотреть не разрешалось, поэтому большинство солдат предпочитало сидеть в ленинской комнате и комнате отдыха, где можно было почитать газету «Красная звезда» месячной давности, поиграть в шахматы или написать письмо родным.

Уже почти две недели в армии, а еще ни одного письма из дома ни я, ни другие солдаты не получали. Каждый день мы с нескрываемой надеждой смотрели на проходящего в казарму солдата-почтальона по прозвищу «Кабан». Но писем в очередной раз не было.

Одиночество и тоска по дому усиливались с каждым днем, проведенным в армии. Грусть накатывала с новой силой. Все окружавшее меня казалось каким-то чужим, противоестественным. Но не так пугали меня бытовые условия, как нехватка нормального общения с нормальными людьми. С каждым днем молодые солдаты становились злее, коллектив стал распадаться на компании по интересам, общение с некоторыми солдатами становилось невыносимым. Каждый солдат пытался самоутвердиться, показать, что он главный здесь, пытался задеть другого солдата за больное место, оскорбить.

Когда я писал письма родным я отгораживался от внешнего мира невидимой перегородкой и погружался в свой мир, в котором все было по-доброму и по-простому. Мир, где тебя понимают, любят и ценят, где с твоим мнением считаются и не имеет значения, что ты рядовой и мало еще прослужил. Я представлял себе свой дом, своих родителей и сестер. Я общался с ними, изливал свою душу и мне казалось, что они слышат меня сейчас, просто не могут ответить.

– Женек, может партейку сыграем? – застал меня в раздумьях Саша Иванов.

– Чего? А, не... нет, спасибо! – поднял я глаза на Иванова, который сидел рядом с шахматной доской.

– А может все-таки сыграем? – продолжал он меня упрашивать.

– Не Саш, с тобой играть бесполезно! Ты любого в два хода сделаешь!

– Это верно! – заулыбался Иванов – у меня ведь юношеский разряд по шахматам!

– Ты уже подшился? Кантик сделал?

– Успею! Еще партию сыграю с кем-нибудь и пойду готовиться к утреннему осмотру.

– Хорошо! Если тебе понадобится моя помощь... – не договорил я, потому что мои мысли уносили меня со скоростью истребителя далеко домой.

– Ага! Сделаешь мне потом кантик?

Дверь в комнату открылась и оттуда выглянул дневальный.

– Парни, к-к-кто-нибудь есть шаа-а-аряший в компьютерах? – произнес рядовой Широков.

– А что случилось? – спустился я с небес.

– Там это... – заикаясь говорил Широков – Ка-ка-какой-та а-а-а-фицер звонит. Ему нужен компьютерщик. Па-а-а-дойдешь?

– Уже иду – обрадовался я и пошел за Широковым к тумбочке дневального, где стоял телефон.

– Рядовой Беспалов! – произнес я в трубку, слегка волнуясь и пытаюсь соблюдать заведенные в армии правила общения. – Слушаю Вас!

– Как? Беспалов? Беспалов, ты в компьютерах разбираешься? – услышал я в трубку сильно картавивший голос. Знаешь, как таблицу в Ворде сделать?

– Конечно! Это легко! Нужно войти в меню «Таблица», выбрать...

– Подожди! Не гони коней, Беспалов! Знаешь, где шестое отделение находится?

– Ну, так, весьма приблизительно.

– Значит так, мальчик большой, найдешь, не заблудишься! Иди сюда! Придешь, спросишь капитана Баронова. Жду!

– Но, товарищ капитан, я не могу без разрешения уйти из роты...

– Считай, что оно у тебя есть! Позови ротного к телефону!

На улице стояла метель и завывал ветер. Слабый свет уличных фонарей освещал неубранную дорогу в шестое отделение. Дорога была длинной и что находилось в конце ее было не различить. Узкая полоска света уличных фонарей освещала путь. Было очень темно. Я оказался в одиночестве. Но только на этот раз одиночество было не душевным состоянием, а физическим явлением. Впервые за все это время я оказался один на один с собой. Мне не нужно было идти в ногу с другими солдатами, на меня не смотрели сержанты и сослуживцы, мне не нужно

было следить за тем, правильно ли на мне сидит форма. Я был один. Я мог прыгать, плясать, кривляться и говорить в слух разные глупости, не боясь за это быть наказанным.

Подпрыгнув изо всех сил вверх и повалившись вдоволь в сугробе, я почувствовал, какое это счастье быть свободным. Преодолев желание повалить еще дурака, я пошел в шестое отделение. Отделение находилось за отдельным забором. При входе меня встречал очень угрюмый сержант, который молча показал мне, где сидит капитан Баронов.

– Разрешите войти, товарищ капитан? – обратился я к офицеру, который сидел в темной комнате при входе в отделение.

В комнате было темно, лишь свет от экрана монитора падал на лицо офицера. Капитан много курил, окурки не умещались в пепельницу, так и норовя вывалиться на стол.

– Заходи, Беспалов! – ответил офицер, туша очередную сигарету. – Садись сюда! Мне нужно вот эту таблицу сделать. Сможешь?

– Смогу – ответил я капитану и принялся рисовать в Ворде таблицу. – Это просто товарищ, капитан. Можно вот так сделать выравнивание текста, так выбрать направление, а так менять ширину столбцов и высоту строчек.

– А ты мне вот эту таблицу сделай! Я не знаю, как мне вот эту колонку разбить на части.

– Ну, это вот так делается. Вы выделяете вот это столбец так и нажимаете «добавить столбцы», или нажимаете вот сюда и вот так.

Капитан внимательно смотрел за быстрыми движениями курсора мышки по экрану.

– Как у тебя это ловко получается! Что закончил, Беспалов?

– Политех.

– А, сразу видно, что с высшим образованием, не то, что эти раздолбаи!

В дверях кабинета стоял тот высокий сержант, который встречал меня при входе в отделение. Облокотившись на дверной косяк, он стоял, держа в руках какие-то бумаги. Петух за спиной, шапка надетая набекрень и расслабленный ремень не оставляли никаких сомнений в том, что это старослужащий. Он злобно, с некоторой обидой смотрел на меня. Баронов стоял рядом со мной и, не отрываясь, всматривался в экран.

– Что тебе, Григорьев? – заметил офицер сержанта.

– Товарищ капитан, подпишите, пожалуйста, лист обхода. Я все посмотрел, все печати на месте.

– А те дальние КамАЗы у ограды посмотрел? Что там было?

– Да, все нормально. Пломбы на месте.

– Кунг закрыл?

– Да, вот ключи.

– Хорошо, оставь тогда, я подпишу позже, – не отрываясь от экрана, говорил Баронов. – Да, и выкинь, пожалуйста, окурки.

Бросив злобный взгляд на меня, Григорьев нехотя взял пепельницу.

– Рылевич, ко мне! – послышался голос сержанта из коридора. – На, выкинь это!

– Беспалов, а ты и программировать можешь? – не унимался Баронов.

– Могу, я до армии программистом работал.

– А что-нибудь о ГИСе ты слышал? Сталкивался когда-нибудь?

– Ну, что это такое знаю, но лично не приходилось иметь дело...

– А хочешь за компьютером работать постоянно? Дема уже сказал, в какую роту ты попадешь?

– Никак нет, товарищ капитан. От нас это держат в секрете.

– Я поговорю с ним, и ты будешь служить в шестом отделении. Тут работы невпроворот. Будешь у меня карты рисовать – картавил Баронов. – Хочешь?

– Так точно, с удовольствием – оторопел я от неожиданного предложения.

– Ну, вот и ладно, нам нужны толковые солдаты.

– Товарищ капитан, мы закончили печатать партию. Для новой партии бумага нужна... – в дверях кабинета стоял рядовой Рылевич с чистой пепельницей.

– А, иду уже. Посиди пока тут, Беспалов. Вот этот текст мне набери! – офицер быстро вышел из кабинета и направился по коридору в дальнюю комнату шестого отделения, где стояли печатные станки, и вокруг которых возились чумазные солдаты.

– Привет! – сказал мне Рылевич, когда ушел Баронов. – Что делаешь?

– Да вот капитан попросил таблички сделать.

– А, понятно. Он меня тоже спрашивал, но я не знаю, как сделать в таблице текст вертикально.

– Да это вот так делается – показал я Рылевичу.

– Меня Мишей зовут.

– Женя – пожал я Мише руку.

– Я сразу понял, что ты с высшим.

Миша был таким же молодым солдатом как и я, только приехал он из Ярославля. Я не раз видел его в роте, но лично никогда не общался с ним.

– Я про тебя тоже так подумал. А что ты закончил?

– Ярославский политех, САПР.

– Ха, да мы коллеги! Я тоже САПР закончил! А что вы тут в шестом делаете?

– Дежуриим. Такой же наряд как по роте дневальным.

– Это я понимаю. Но вы тут еще что-то печатаете?

– Да нет, мы пока ничего не печатаем. Этот тут солдаты из сводной роты печатают. Мы просто дневальные. Баронов подбирается себе новую команду взамен тех, кто весной будет увольняться. Вот и вводит нас в курс дела.

– Ну и как наряд? Тяжелый? Что делаете в наряде?

– На вышке стоим посменно, территорию чистим, охраняем машины, и тут в отделении пидорим пол в коридоре.

– А спать вам дают?

– Да, посменно в роте по два часа ночью спим.

– А ночью в отделении что делаете, когда не стоите на вышке? Отдыхаете?

– Да куда там! С Гришей поспишь! Он всегда работу какую-нибудь найдет!

– Рыло, ты, что тут делаешь? – тут как тут появился сержант Григорьев. – Я что тебе сказал сделать?

– А я уже выкинул, вот пепельницу принес.

– И что? Я что-то не понял, тебе, что заняться нечем? Самый умный что ли?! Кто тебе разрешал сюда заходить?

– Да, я... – начал было оправдываться Миша.

– Головка ты от руля! Взял лопату и пошел на улицу! Тебе мало снега на улице что ли?!

Организовать снегопад?

Рылевич быстро оделся и пулей вылетел на улицу.

– А ты что тут расселся? – набросился сержант на меня.

– Выполняю поручение капитана – набираю документ.

– Ну, так и делай работу! А сделал работу, дуй в роту! Устроили тут посиделки! – не унился сержант. – Совсем вы там, в РМП расслабились!

– Хорошо, я понял.

В комнату зашел капитан Баронов чем-то очень озадаченный.

– Ну, что закончил, Беспалов? Ладно, иди в роту. Я поговорю с Демьяновым насчет тебя.

Я был рад, что передо мной открывалась перспектива получения новых знаний. Мне всегда казалось, что в армии от глупой работы и бестолковых занятий я могу потерять свои навыки и умения. Это меня всегда пугало в армии. Я только что закончил институт, получил

диплом инженера и мне никак не хотелось терять своих знаний. Мне всегда хотелось развиваться, расти в профессиональном плане, получать новые знания, осваивать новые технологии, глубже познавать окружающий меня мир. Без этого я не могу представить своей жизни. Безусловно, в армии познаешь новый мир, получаешь незабываемый опыт, растешь как личность. Так, по крайней мере, мне хотелось думать, когда я шел в армию. Но год проводить с лопатой в руках или равнять постоянно кровати в мои планы не входило. Мне хотелось от себя личностного роста, развития и поэтому знакомство с таким человеком, как Баронов, меня очень обрадовало. Он хотел, чтобы я занимался неизвестной мне ранее технологией, он видел во мне специалиста и мне это было очень приятно. С капитаном Бароновым кроме личностного роста, я получал шанс вырасти и как профессионал. Но кое-что меня мучило. Пока я шел в роту я все пытался понять, что мне мешает в полной мере радоваться открывавшимся возможностям. Во-первых, сам Баронов не производил впечатления огромного специалиста по компьютерным технологиям. А значит весьма сомнительным выглядело то, что он может меня чему-то новому научить. Во-вторых, встречаться с этим сержантом снова как-то не очень хотелось. Какая агрессия, какая ненависть в его глазах! Почему он так ненавидит меня, если я его даже не знаю? Что плохого я ему сделал, в чем я провинился перед ним? Как приятно общаться с офицерами, которые видят в тебе человека равного себе и уважают тебя и как тяжело общаться со старослужащими, с сержантами и простыми солдатами, которые так и норовят сказать тебе гадость, как-нибудь унижить и оскорбить! Почему так получается? Почему столько злобы в простых солдатах?

Было приятно вот так прогуляться одному по части, почувствовать себя свободным. Было приятно посидеть за компьютером и постучать по клавишам после такого долгого перерыва. Было приятно пообщаться с человеком, который не видел в тебе соперника, врага или просто рядового, с которым можно общаться только криком, только отдавая команды.

Но нужно было снова возвращаться в роту. Было уже почти девять часов вечера, мне предстояло еще подшиться перед утренней поверкой, привести себя в порядок, чем я и занялся по приходу в казарму.

Десятки солдат сновали по расположению в белуге и сланцах. Места в бытовке было мало, поэтому многие солдаты, помыв свои подворотнички и прогладив утюгом, шли в расположение подшиваться. Среди них был и я.

– Эй, Козлов! – зашел в расположение сержант Попов. Здоровый парень, широкоплечий, крепко стоящий на ногах, носил новую форму. Верхняя пуговица его кителя всегда была растягнута и выглядывающая оттуда широкая толстая белоснежная подшивка подчеркивали его статус старослужащего. – Ты ничего не потерял, Козел, а?

Рядовой Козлов, по кличке «Нарик», который рылся в этот момент в своей тумбочке, тотчас обернулся и улыбнулся своей беззубой улыбкой.

– Потерял... Военный билет не могу найти.

– Что ты говоришь! Пробежал военный билет?! – покачал головой Попов. – А где ты его оставлял?

– Кажись, у умывальника... – взгляд солдата выражал полную растерянность.

– Ну и что смотрел там?

– Смотрел, нету. А вы его нашли, товарищ сержант?

– Ты его сейчас сам найдешь. Точнее, родишь.

– А это как? – непонимающе смотрел на сержанта Козлов.

– Как – как? Что никогда не видел как женщины рожают? Иди сюда и ложись на кровать! – указал Попов солдату на кровать Иванова.

Солдат подчинился. Все солдаты в расположении бросили свои дела и решили подойти поближе посмотреть на невиданное действие.

– Укладывайся на кровать. Вот, вот так! Накрывайся сверху одеялом. Полностью накрывайся! Так... Молодец! Задирай теперь ноги на грядущку.

– Так, товарищ сержант? – доносилось из-под одеяла.

– Подушку подложи под задницу! Да не так! Вот сюда! – Попов запихал одну подушку под Козлова, другую положил на живот солдату и накрыл одеялом. – Ну, теперь кричи! Громко кричи!

– Что кричать, товарищ сержант?

– Кричи, как кричат бабы при родах!

– А-а-а! – закричал тоненьким голосочком солдат. – Так?

– Громче кричи!

– А-а-а!!!

– Сильнее кричи, Козел!

– А-а-а!!! Рожаю!!!

– Тужься! Сильнее тужься!

– А-а-а!

– Сильнее! Тужься! Вижу уже! Выходит!

– А-а-а!!! Больно! А-а-а! Рожаю!

– Ну, еще немного потерпи, дорогая! Тужься! Уже вижу начало!

– А-а-а! – кричал что есть силы Козлов из-под одеяла.

Толпа солдат собралась вокруг кровати, где лежал рожениц Козлов. Дикий гогот разносился по всей казарме. На крики солдата из разных комнат шли все новые и новые солдаты. Расталкивая друг друга, каждый хотел поближе рассмотреть, как рожает солдат.

– Ну, еще немного поднатужься, Козлов!

– А-а-а!

– Ну вот, можешь же, когда захочешь! – подкладывая под мягкое место солдата военный билет, приговаривал сержант Попов. – Ну, посмотри какого малыша ты родил!

Под всеобщий смех сослуживцев, Козлов скинул с себя одеяло и взял в руки свой военный билет.

– Твой?

– Ага – улыбался солдат.

– Смотри, больше не проебывай свой военник!

– Спасибо, товарищ сержант. Больше не буду.

– Все видели? – обратился сержант к стоявшим рядом молодым солдатам. – Вас ждет такая же участь, если не будете следить за собой и своими вещами! Не слышу ответа!

– Так точно! – отозвались солдаты.

– Разойдись! А ты, Козлов куда пошел? Постель за собой убери! Я что ли буду за тобой убирать?

Шли дни. РМП после пересыльного пункта казалась землей обетованной. Свободного времени было достаточно. Нас почти не направляли ни на какие работы, вместо этого с нами постоянно проводили занятия сержанты и изредка офицеры. Утром мы слушали лекции, днем ходили на плацу строем или убирали снег. Сержанты учили нас правильно подходить к начальнику, обращаться к нему, разучивали с нами строевые песни. Когда занятия проходили в казарме, сержанты давали нам под запись отдельные главы из Устава. Самое главное было выучить права и обязанности солдат и матросов.

Наряд был только один – дневальным по роте. Почему-то чаще всех туда ставили двух ингушей, которые служили с нами, рядовых Хасана Костоева и Мавлея Багаева. Хасан был

очень спокойным и молчаливым парнем, плохо понимал и также плохо говорил по-русски. Мавлей, напротив, был очень активным и общительным. Ингушей сторонились и побаивались, не зная чего можно от них ожидать. Остальные солдаты очень скоро перезнакомились друг с другом, сформировались компании. Отдельных солдат, преимущественно одних и тех же, все время направляли в наряд в шестое отделение. В наряд солдаты ходили раз в три дня.

Мы сидели на очередном занятии и слушали, как младший сержант Володин пытался прочитать нам Устав, тот тут, то там запинаясь или ставя ударение на неправильный слог. С каждой минутой слушать постоянно кривлявшегося и отпускавшего глупые шуточки сержанта становилось невыносимо тяжело. Все меньше и меньше в этом сержанте я видел прожженного и многоопытного солдата, бойца, все больше я видел в сидящем перед собой младшем сержанте молодого парнишку, которого за неуспеваемость выгнали из какого-нибудь техникума. Его призвали в армию в восемнадцать лет, он еще ничего в своей жизни не видел, жил в своем маленьком городишке, гонял мяч на спортивной площадке, втайне от родителей покуривал и выпивал с друзьями, и, наверно, жутко робел и краснел, когда знакомился с девушками. В отличие от сержантов Фадеева и Попова, Володин не отличался габаритами и не производил впечатления сильного человека, способного постоять за себя. Он всячески старался казаться взрослее, чем был на самом деле. Володин старался ни в чем не отставать от своих товарищей, очень часто копируя манеру поведения и речь Фадеева и Попова.

В комнату зашел командир нашего взвода лейтенант Петров. Он был слегка уменьшенной копией командира роты. На пару лет его младше и чуть ниже, но такой же накаченный, с таким же квадратным лицом и массивной нижней челюстью. Казалось, лейтенанта ничего в жизни не интересовало, кроме очередных рекордных килограммов, взятых в спортзале.

– Встать! – скомандовал Володин.

– Садитесь, садитесь! – произнес Петров. – Желающие поехать в теплицу поработать есть? Нужно десять крепких добровольцев.

Десять добровольцев нашлось быстро. Без работы солдатам долго не дают сидеть. Солдатам все равно, где работать, главное, что в этот раз была возможность выбраться хоть и на время, но за пределы части, хоть немного подышать свободным воздухом.

Я впервые ехал на работу в теплицу. В тесном микроавтобусе было тихо. Солдаты с интересом разглядывали город Звенигород, а лейтенант молчаливо отсиживался в сторонке. Автобус поколесил по незнакомым нам улочкам и выехал с другого конца города. Здесь была большая современная теплица с бесчисленными рядами кустов помидоров и огурцов.

– Такая большая и современная теплица, а без солдат обойтись не могут! – вставил свои десять копеек Рылевич.

– Ну, ты же знаешь, что «Два солдата из стройбата заменяют экскаватор. А солдат из ТГО заменяет хоть кого» – вспомнил я армейскую поговорку.

Нам предстояло поднимать трубы оросительной системы, которые лежали на грядках, и вешать их на специальные крепления на колоннах, которые были установлены через каждые пять метров. В трубах оставалась вода, поэтому они были очень тяжелыми, десять солдат с трудом поднимали одну трубу. Лейтенант Петров руководил работами, давая нам обратный отчет, чтобы поднимать трубы всеми одновременно.

Труд облагораживает людей. Совместный труд людей сплочает. В едином порыве поднимая тяжеленные трубы над грядками, мы старались действовать согласованно и синхронно, чтобы вся тяжесть распределялась равномерно между нами. Это было очень тяжело сделать, потому что десять человек для такой работы явно не хватало. Тем не менее, каждый выкладывался полностью и был честен перед другими.

После каждых десяти таких труб лейтенант устраивал нам небольшой отдых. Желающие могли покурить, другие пользовались случаем, чтобы попить воды.

– Товарищ лейтенант, а нам что-нибудь заплатят за нашу работу? – поинтересовался рядовой Горохов.

– Ты что, Горох, дурак? – рассмеялся рядовой Воробьев. – Мы тут зарабатываем деньги не себе, а Бате! Вчера родился что ли?

– Теплица выделит потом немного своей продукции, – сам не веря в свои слова, отвечал лейтенант Петров. – Будете в столовой салаты есть из помидоров и огурцов.

Немногословный Петров откровенно скучал.

– А сигаретой не угостите, товарищ лейтенант? – обратился Рылевич к офицеру.

Офицер достал пачку «Мальборо» и угостил всех солдат.

– Ты же вроде бы не куришь, Миш? – шепнул я Рылевичу.

– Да ты не понимаешь, сигареты в армии – это валюта, – отвечал Миша – К тем же сержантам понадобится обратиться, сунешь им сигарету, они тебе охотнее помогут. Понял? Захочешь, например, сходить в штаб позвонить домой – одного тебя не отпустят, а с сержантом без проблем. Так просто сержант с тобой не пойдет, а если ты его подмаслишь, то он тебе поможет.

В половину первого дня за нами приехал автобус, чтобы отвести на обед. А после обеда в слегка измененном составе нас снова отвезли на работу в теплицу. В это время наша рота все также убирала территорию от снега. Снег, не переставая, шел каждый день. Теперь уборка территории от снега стала нашим единственным занятием на долгое время. Утром, после подъема, мы убрали снег вместо зарядки, после завтрака до развода мы очищали плац, после развода мы снова убрали снег, убрали, снова убрали, он снова шел, мы снова убрали. Убрали снег весь день. Иногда убрали снег после вечерней поверки, даже после отбоя случалось. Но этого, наверное, было недостаточно, потому что командир части очень сильно ругался каждый раз на разводе, недовольный обилием снега на его территории.

После ужина, в один из немногих вечеров, когда мы могли спокойно отдохнуть после еще одного дня, проведенного в армии, мы сидели в Ленинской комнате и занимались своими делами. Словоохотливый Рылевич доиграл партию с Ивановым и пересел ко мне, чтобы мешать мне своими разговорами.

– Ну что не хочешь с Ивановым партию сыграть?

– Нет, у него разряд. Бесполезная трата времени, я лучше письмо напишу домой.

– Да хватит тебе! Я его вон обыграл!

– Только перед этим он тебя десять раз подряд сделал.

– Ну и что! Зато я его черными обыграл!

– Мы завтра устроим матч-реванш! – донесся из дальнего угла голос Иванова. – Посмотрим кто кого!

– Скучаешь по дому? – обратился ко мне Рылевич. – Устал от службы?

– По дому скучаю, конечно. А служба так себе...

– Ну, в общем-то, не так и сложна эта служба.

– Да, мне тоже казалось в начале, что будет тяжелее. Чем-то напоминает мне пионерский лагерь. Тоже есть распорядок дня, всякие правила и жизнь под одной крышей. Только много физической работы. Но это не проблема! Больше работы, быстрее время летит, быстрее окажешься дома.

– Да, но еще эти правила разные, в туалет без разрешения не сходишь, ходить строем, обращаться ко всем по званию и все такое.

– Ну, это не проблема, это вопрос привычки. Человек – скотина неприхотливая, ко всему привыкает. Я по-другому представлял себе службу. По большому счету, кроме этих условностей, я армии-то и не вижу. Мы не солдаты, мы рабочие. Как будто мы работаем вахтовым методом где-то за полярным кругом.

– Ага, снег добываем – ухмыльнулся Миша.

– Да, просто ходим строем, носим армейскую форму и живем общим бытом.

– Если бы не эти наряды, вообще не жизнь, а малина.

– А я еще ни в одном наряде не был. Почему-то меня старшина никуда не ставит.

– Да вы, батенька, хорошо живете! Забыл он значит про вас? Может мне напомнить ему о вашем существовании?

– Да хватит тебе!

– А я вот постоянно хожу в шестое.

– Ну и как там?

– Как? – пожал плечами Рылевич – Холодно. На вышке стоим, ночью тридцати градусный мороз, мерзнем сильно. Особенно сильно ноги мерзнут, все время там ходим взад-вперед, чтобы не окоченеть окончательно.

– А отжиматься пробовал? Быстро согреешься, если отожмешься раз десять. Вам хоть теплую одежду выдают?

– Да, если еще можно назвать теплой! Ну, есть там кафтан из овечьей шкуры, дырявый весь, и валенки еще. Но ведь Баронов запрещает их одевать, если на улице нет минус двадцати.

– Но при...

– Не, не помогает. При тридцати градусах он уже не помогает.

– Так холодно? И по сколько же вы стоите там на вышке?

– Вообще мы должны стоять по графику по два часа. Но из-за того, что так холодно, стоим по часу.

Дверь в комнату отворилась, и в нее вошел сержант Фадеев.

– Встать! – кто-то из солдат вовремя сообразил скомандовать сидящим в помещении.

– Садись! – с нескрываемой усталостью произнес Фадеев.

Сегодня замкомвзвода снова дежурил по роте и вскоре ему предстояло проводить вечернюю поверку на плацу. Фадеев, которого Попов и Володин всегда называли «Фадеем», а офицеры часто обращались к нему по имени-отчеству, очень ответственно относился к своим сержантским обязанностям. Находясь в наряде, он не мог себе позволить расслабиться, периодически проверял своих дневальных и осматривал помещения. Суровый сержант вызывал у всех солдат страх. Даже когда он улыбался и смеялся казалось, что на самом деле он злится и готов в любую секунду наброситься на тебя с кулаками. С таким лучше не шутить.

Когда Фадеев оказался в комнате, разговоры солдат стали намного тише. Сержант сел за столик около окна и принялся читать письмо из дома. В присутствии старшего по званию, солдаты старались вести себя сдержаннее.

– Ты мне скажи, вот хочу себе дома сделать интернет. Что для этого нужно? – сменил тему разговора Миша.

– Смотря какой интернет...

– А какой лучше? Через ADSL или по выделенке?

– Лучше по выделенке, конечно.

– Ну, тогда у меня будет внешний ip-адрес, за него нужно платить, и залезть ко мне на компьютер могут. Это же небезопасно. Так ведь? – прищурился левый глаз, спрашивал Мишка.

– Чего-чего? Ты что-то путаешь, Миш. Одно с другим никак не связано. Тебе не обязательно иметь внешний ip-адрес, чтобы подключиться к интернету.

– Разве нет? А как же тогда?

Миша интересный собеседник, но иногда, кажется, он не слушает тебя, забегает всегда вперед, не следит за твоими рассуждениями и объяснениями. Но при этом он большой любитель задавать много вопросов. Рассуждения и мысли Рылевича очень многих людей ставят в тупик. Он непредсказуем и оригинален. Многим людям его мысли кажутся абсурдными и неожиданными. Большинство людей просто не готовы с ним общаться, наверное, потому что его идеи и взгляды часто бывают очень нестандартными, непривычными для слуха людям.

Очень часто люди задают вопрос, ожидая услышать некоторый ответ, к которому они внутренне готовы, и этот ответ им нужен скорее для подтверждения своей мысли, а не для познания мира. Миша был не таким. Он на все смотрел широко открытыми глазами. Миша часто менял тему для разговора, общение с ним очень часто начиналось неожиданно и также неожиданно заканчивалось. На середине разговора мог запросто встать и сказать: «Ну, все с вами ясно, я пошел». Очень скоро многие солдаты стали считать его недалеким и странным. Простому человеку проще отвергнуть что-то, что он не понимает, чем попытаться взглянуть на мир другими глазами, глазами таких чудиков, как Миша Рылевич. Многих раздражала его суетливость и нежелание спокойно сидеть на месте. Казалось, детская любознательность продолжала в нем жить и в его двадцать два года, постоянно двигала его чем-то заняться, все попробовать своими руками, разобраться во всем, что он еще не понимает.

– Ну, смотри, когда ты подключаешься к интернету, не зависимо от того, подключаешься ты по обычному телефонному модему, по ADSL-модему или по выделенке, ты всегда получаешь ip-адрес. Компьютер в сети не может существовать без адреса. Другое дело, что необязательно, что этот адрес – Сам того не заметив, я стал активно жестикулировать руками, – необязательно должен быть внешним. Этот адрес обычно является внутренним адресом твоего провайдера. Тебе не обязательно иметь внешний адрес, чтобы быть в интернете. А чтобы твой компьютер выходил в интернет, провайдер либо обеспечивает доступ к интернету через прокси-сервер, либо через такой сервис как NAT, это такая трансляция имен.

Я говорил и говорил, он слушал, я рисовал схемы, пытаюсь объяснить Мише как устроен Интернет. Миша задавал снова и снова свои вопросы, не успев дослушать мой ответ на предыдущий вопрос, заставляя меня все глубже и глубже погружаться в предмет нашей беседы. Рассказ захватывал меня самого еще больше, чем Мишу, потому что я соскучился по такому рода общению. Мне хотелось все ему досконально объяснить и самому вспомнить и почувствовать, что я могу не только снег убирать и ходить строевым шагом по плацу.

– Не понял. Как же мой компьютер выйдет в интернет, если он имеет только внутренний адрес? Он же фактически не подключен к интернету?

Сержант Фадеев, услышав нашу беседу, повернул голову в мою сторону и стал пристально нас рассматривать. Я почувствовал с каким вниманием он следит за мной. Нет, его не интересовало, как устроен интернет. Он был далек от всех этих современных технологий, они его мало интересовали. Его в первую очередь привлекло то, с каким жаром, с какой страстью я рассказывал товарищу, как я заводился, пытаюсь донести до Миши информацию так, чтобы ему стало все понятно. Не отрываясь, сержант смотрел на нас. Его взгляд заставил меня слегка нервничать. Казалось, теперь я должен так объяснять, чтобы меня понял не только один Рылевич.

– Ну смотри, при первом варианте с прокси-сервером, твой компьютер фактически обращается к этому прокси-серверу, который подключен в интернету напрямую. – стал я рисовать Мише на листе бумаги схему, как организован интернет. – Твой компьютер как бы говорит прокси-серверу: «Эй, парень, мне нужен сайт www.shilovich.ru», сервер говорит ему: «О'кей, нет проблем!». Скачивает из интернета ему эту страничку и пересылает ее на твой компьютер. Если уже кто-то лазил на эту страничку из этой внутренней сети до тебя, то она у него уже в памяти, в кэше, и он выдает тебе ее, не обращаясь лишней раз к интернету. – выдохнул я.

– А второй способ?

– При втором способе тоже стоит отдельный сервер. У него есть внешний адрес, и когда ты лезешь в интернет, фактически ты используешь его внешний адрес. Т.е. пакеты с запросами уходят в интернет с этого сервера, но, грубо говоря, со специальной пометкой, что не с самого сервера, а именно вот с этого компьютера. Понятно? Т.е. там в пакете есть поле с номером порта. Каждый порт в специальной табличке на сервере соответствует какому-то компьютеру во внутренней сети. Когда приходит ответ, сервер видит на какой порт этот пакет пришел, про-

смаатривает свою табличку и видит, что вот этот порт предназначен для вот этого компьютера вот с этим внутренним адресом и пересылает пакет на твой компьютер. Понятно?

– Не очень. А откуда этот сервер знает, где находится сайт, который мне нужен. Как он его находит в интернете?

– Ну, для этого есть такая вещь как DNS-сервер и такая штука как «маршрутизация». Это отдельная история.

– Да что ты ему объясняешь, Беспалов! Он же тупой! – прокричал со своего места Фадеев. – Он же ничего не поймет!

Прямой взгляд сержанта прошел меня насквозь.

– Ну, так вот, смотри что такое маршрутизация... – продолжал я, пытаюсь не обращать внимания на слова сержанта.

– Дежурный по роте на выход! – послышалось из-за двери.

Фадеев быстро встал, одел шапку и вышел за дверь.

– Эй, затуп! Что стоим-молчим?! – послышался голос из-за двери. – Кричи «Смирно!».

– Смирно!

Вся жизнь в роте остановилась на мгновение и в казарме воцарилась полная тишина.

– Ротный, наверное, пришел – встал Миша из-за стола – пойду я подошьюсь, а то гляди запрягут что-нибудь делать.

Получив после обеда от старшины подменную одежду, я лег спать. Было очень непривычно спать в середине дня. Вся рота, кроме дневальных и нас, в этот момент была на улице и чистила плац к разводу. Мы же пытались поскорее заснуть, потому что времени на сон у нас было очень мало. Вообще-то нас должно было быть пять человек. Но мы еще были молодыми солдатами, неопытными, поэтому в наряд по столовой должны были идти всемером.

В расположении было светло и свежо. Дневальные домывали полы, а дежуривший по роте ефрейтор Ретюнских неспешно подгонял их. На улице стояла отличная зимняя погода. Я быстро провалился в сон, но долго мне поспать не удалось. Все тот же ефрейтор Ретюнских через два часа разбудил нас криками «Подъем, наряд!».

Я первый раз шел в наряд. Обычный наряд начинается в шесть часов вечера с развода на плацу. За полтора часа до этого разводу на плацу предшествует построение суточного на проверку. Вообще-то, по Уставу, перед нарядом спать запрещено, а полагается готовиться к наряду, подготавливая свою форму и внешний вид, и повторяя обязанности суточного наряда. Но понимая всю тяжесть несения службы в наряде, офицеры разрешали нам перед заступлением в наряд немного поспать. Весь остальной суточный наряд после первого построения на плацу отправлялся в роту готовиться к шестичасовому разводу. Наряд же по столовой с плаца отправлялся напрямиком в столовую к начальнику столовой.

Старший прапорщик Пешков, заложив руки за спину, расхаживал перед строем солдат. Он проводил с нами инструктаж на повышенных тонах, периодически срываясь на крик. Проведя с нами короткий ликбез на тему правил безопасности и распределив нас по нашим рабочим местам, старший прапорщик Пешков приступал к рассказу о наших обязанностях.

– Так, коридор, твои обязанности отпидорить очки и отпиперить весь коридор на первом этаже. А также комнату приготовления холодных закусок. Мыть мясорубку и овощерезку не надо, это не ваши обязанности. Это обязанность поваров. И не надо бросаться на эти объедки после приема пищи, караси ебаные! Знаю я вас, с голоду ломанетесь доедать кашу после ужина, наебенитесь перловкой, а потом отложите в сортире вот такие личинки – прапорщик сделал красноречивый жест, приложив левую ладонь к локтю правой руки. – А еще носитесь как угорелые по лестнице-чудеснице и суп разливаете! Отпидоришь и отпиперишь все так,

чтобы все горело и мегало! Понял меня, орел? Возьмешь щетку, каустиковую соду, ведро и тряпку, и отпиперишь каждый миллиметр плитки, каждый уголок. Ототрешь на плитке каждую черточку, каждое пятнышко! Как говорится: Ветер в харю, я хуярю! Так солдат? Я проверю, если найду, хоть одну черточку на полу, будишь у меня в противогазе бегать по всей столовой. Ты меня понял? И это касается каждого! Смейтесь, смейтесь! Вы меня еще запомните, карасики! Всю жизнь будете меня помнить!

Суточный наряд по столовой стоял перед старшим прапорщиком и внимательно слушал его наставления, периодически взрываясь смехом, услышав очередное непарламентское выражение начальника столовой. Никогда еще в жизни, я не слышал такого количества разнообразных матерных выражений. Настоящий прапорщик! Вот они какие! Гораздо ярче, чем бывают в кино! Если настоящий офицер, в моем понимании, должен быть образцом воспитанности и культурности, быть человеком высоких идеалов и безмерной храбрости, то настоящие прапорщики должны быть такими как Пешков, людьми приземленными и грубыми.

– И учитесь принимать правильно наряд. Не принимайте наряд, пока не убедились, что предыдущий наряд все убрал, каждую плиточку, каждый уголок в столовой отпидорил. Вы должны их заебать по полной программе! Задрачивайте их, пока они все не уберут. А если они отказываются что-то делать, не принимайте наряд, пускай они остаются здесь после ужина и сдают свой наряд. Проверяйте весь инвентарь. Чтобы все было на месте и чтобы ничего не было сломано. Если чего-то нет – их проблемы, пускай рожают! Сломается полотер – обращайтесь ко мне, у меня есть мастерская, если руки растут из правильного места, почините. – заканчивал свой почти часовой монолог начальник столовой. – Ну, раз всем все понятно, голубчики, то бегом на свои рабочие места! Живо! Впереди работы выше крыши!

Наряд в столовую начинался раньше других нарядов из-за ежедневной необходимости привозить продукты со склада. Склад почему-то находился на территории автомобильного парка, поэтому перед каждым нарядом за продуктами туда отправлялась дежурная шишига. В этот раз машина сломалась и нам пришлось самостоятельно идти на склад. К моменту, когда мы получили коробки с продуктами из рук вороватого начальника склада старшего прапорщика Старостина и вернулись обратно в столовую, было уже почти семь часов вечера.

Тяжесть несения наряда в столовой, тот объем работ, который предстоит сделать за сутки, зависел от умения правильно принять наряд от предыдущей смены. Если быть очень придиричивым к предыдущей смене, то после ужина работы будет мало и можно раньше лечь спать. Но мы этого еще не знали. А из-за того, что мы долго ходили на склад, предыдущая смена ушла, не сдав нам наряд. Ничего не оставалось, как быстро поужинать и приступить в уборке.

– Давайте, не засиживайтесь! – подгонял нас дежурный по столовой. – Вас еще ждут полы и посуда! Короткий перекур и за уборку! Кто быстро уберется, идет помогать варочному чистить картошку. Чем раньше почистите картошку, тем раньше ляжете спать!

Наряд по столовой был самым тяжелым из всех, что был в части. Молодых солдат до призыва старались меньше в него ставить, понимая как тяжело сразу привыкнуть ко всем армейским требованиям. Но после присяги, обычно именно молодые солдаты и ходили в наряд по столовую. Офицеры редко ставили старослужащих в наряд по столовой, дабы не обидеть их самолюбия и не нарушить того негласного правила в армии, по которому вся самая тяжелая работа доставалась молодым. Я бы сказал, что не просто вся самая тяжелая работа доставалась молодым, а вообще вся работа доставалась молодым. Чем больше дней ты отслужил в армии, тем меньше тебе приходилось работать. Таково было главное правило. Чем больше военный отслужил в армии, тем больше его уважали.

После того, как вся часть покушала, мы принялись за работу. Все полы, все стены, все помещения и вся посуда, вместе с котлами для варки в столовой моются три раза в сутки. За солдатами, несущими наряд, закрепляются разные помещения и в соответствии с этим солдат так и называют «Зал», «Мойка», «Коридор», «Варочный». Самый простой наряд у «вароч-

ного». Ему ничего почти убирать не надо, он только таскает бачки с едой из кухни в раздаточную на второй этаж и убирается в самой варочной. Самый тяжелый – у «коридора». Ему приходится весь наряд мыть сортир и коридор, по которому взад-вперед ходят повара, таскаются бачки с пищей и обязательно проливается горячий суп или липки кисель. Всегда рядом Пешков, который как заведенный на тебя орет, периодически спуская на тебя поваров, которые впрочем и без напоминаний прапорщика любят делать замечания молодому солдату, говорить ему гадости или озадачивать какой-нибудь работой. На втором этаже наряд у солдат немного попроще, Пешков там бывает только один раз в день. Но не дай бог Пешкову оказаться там в этот момент в плохом настроении! Сорок ведер пены, разлитых по всему этажу, тебе гарантированы! И никого не волнует, что, например, через полчаса придет кушать часть – в лепешку расшибешься, но убраться до прихода солдат ты обязан!

Сегодня я был «коридором». Первый раз в армии мне предстояло мыть так много полов. Длинный кафельный пол из красной плитки на первом этаже, казалось, еще помнил солдат царской армии. Плитка была потрескавшейся, пол шел волнами, местами напоминая уменьшенную копию брусчатки Красной площади. Стоя на карачках, я пытался отмыть плитку от жира разлившегося супа. Прапорщик Пешков непрерывно ходил в варочную, давая последние указания поварам перед своим уходом, и периодически покрикивал на меня.

– Что очки уже отпидорил, солдат? – смотрел на меня Пешков сверху. – И не вздумай меня обманывать! Со мной такие номера не проходят! Пошевеливайся, давай! Кто же так моет! Так ты до завтрака будешь мыть!

Мне хотелось скорее выбраться на второй этаж. Вечерний прием пищи закончен и в столовой больше нет никого кроме поваров и суточного наряда. Скоро повара уйдут в роту, и мы сможем, наконец, сытно поужинать остатками пищи.

– Коридор! – разнеслось по первому этажу.

Знакомый мне уже повар Соколов звал меня. Он был одним из трех поваров нашей части. Из всех поваров он был самым молодым, призвался на полгода раньше нас. Повара старшего призыва и старослужащие постоянно его гоняли, давали ему разные поручения. Обычно они заставляли его приносить что-нибудь из столовой в казарму, жарить картошку и делать прочие блюда специально для старослужащих. Но об этом мы тогда еще не знали, и считали его таким же старослужащим, каких и остальных поваров.

Прыщавое лицо Соколова выглянуло из-за стены и посмотрело с призрением в мою сторону.

– Где тебя, холера, носит! Помоги варочному переставить кастрюлю!

Я покорно пошел в сторону варочной. Варочная представляла из себя просторную комнату с высоченным потолками, огромными окнами из фасадной стеклянной плитки. На полу и стенах была потрескавшаяся плитка, отполированная и покрытая плесенью, от постоянного мятья. Черные, закопченные потолки говорили мне, что ремонт тут не делался со времен постройки здания. У дальней от входа стены стояли промышленные электрические плиты, вдоль окон стояли большие котлы с водой, а при входе был разделочный стол. Возле плиты стоял рядовой Мальгин с полотенцем в руках и смотрел на меня.

– Смотрите, не поскользнитесь! Уроните, будите суп ложкой собирать обратно в кастрюлю! – повторил нам повар.

Взявшись с Витьком за горячие ручки мы перетащили тяжелый чан с варевом на пол.

– А ну-ка, пойді... пойді сюда! – услышал я странный голос за своей спиной.

Я повернулся. Снизу вверх на меня смотрел небольшого росточка парнишка с раскосыми глазами в белом халате повара.

– А ну-ка, наклони свою хаю! – угрожающе кричал на меня солдат. – Это сё такое? Я тебя спрашиваю, солдат! Это се такое?

Не разобрав его слов, я растерянно посмотрел на Мальгина, ожидая его помощи. Солдат схватил меня за подбородок и стал тыкать своим пальцем на мою верхнюю губу.

– Чего? – не понимал я.

– Сё это такое, а? Тебя сто, солдат, бриться не усили?

– Чего? Прости, я не понял, что ты сказал.

– Ты сё, дурак?! По-русски не понимаешь?! – в доверок к своим словами он наградил меня оплеухой – Посему не брешься, солдат, а?

– Я бреюсь... – растерялся я. – просто у меня усы быстро отрастают. Я...

– Сё за бред ты несешь! – заорал на меня солдат и наградил повторно оплеухой – Еще раз увижу небритым, скажу твоим дедушкам! Ти меня понял, солдат?!

Наряд начинался не очень весело. Никогда не знаешь, чего ожидать от этих поваров. Все злые как собаки. Прапорщик злой, повара злые, сержанты злые, все кругом злые. Чего ради? Почему нельзя нормально общаться?

К счастью, скоро все разошлись. От тяжелой работы не так сильно устаешь, как от этих озлобленных военных, люто ненавидящих всех, так и норовящих тебя как-то унижить, указать тебе на твое место или озадачить очередной малоприятной работой. Проползав три часа на корточках и отмыв всю плитку в коридоре, я присоединился к другим солдатам, которые сидели в цехе приготовления холодных закусок. Было уже очень поздно и всем хотелось спать. Но оставалась еще одна боевая задача, которую нужно было выполнить перед сном – почистить три мешка картошки. Сгрудившись над ведром с очистками, солдаты срезали кожуру с мерзлой картошки.

– А, Женек, закончил? – обернулся в мою сторону Витя Мальгин. – Возьми у дежурного нож и присоединяйся к нам!

– Да тут есть нож! – протянул мне старый ржавый столовый нож рядовой Горохов. – Присаживайся.

– Холодно у Вас тут... – промолвил я, присаживаясь.

– А мы тут чаем согреваемся, который остался после ужина. Ты хоть успел поесть?

– Да, немного перекусил.

– Давно я так плотно не кушал – довольно произнес Мальгин. – Если ты успеешь наверх, может быть «мойка» еще не все помыла и там что-нибудь осталось.

– Я уже ходил, они все помыли. Это все надо сегодня почистить? – грустно выдохнул я.

– Не все. Еще полмешка моркови и лука.

– Тогда надо поторапливаться. Хочется еще поспать сегодня – завтра еще весь день убираться.

– Ха, ты надеешься сегодня поспать?

– Ну, хотя бы пару часов...

– Забудь!

– Ты хочешь, сказать, что все солдаты вот так ходят в наряды? Что только и делают, что убираются и чистят картошку?

– А ты как думал?

– И старослужащие?

– Нет, за старослужащих молодые все делают – вставил свое слово Воробьев.

Солдаты замолчали. Было очень холодно, пар шел изо рта солдат. На нас были бушлаты, но это не помогало. На улице стоял сильный мороз, а комната, где мы чистили картошку, как на зло, располагалась у самого входа.

Тема дедовщины все больше и больше волновала солдат. Несмотря на то, что мы жили в отдельной казарме, где все было строго по Уставу, время от времени мы сталкивались с солдатами из других рот и понимали, что они живут совсем по другим правилам. Общение с солдатами из других рот не всегда было приятным. Скорее было нормой, что от них исходил один

сплошной негатив. И было не важно, кто был этим старослужащим: почтальон, который приносил долгожданные письма из дома, случайный солдат на улице или повар в столовой. Каждый встречавшийся нам старослужащий пытался нами командовать, угрожать, показывал свое презрение к нам. А если и попадались относительно дружелюбные старослужащие, то они всегда нас предостерегали насчет дедовщины, пугали теми порядками, которые заведены у них в роте.

Вскоре вниз спустились братья Жидких. Они домыли посуду и закрепленную за ними территорию и теперь принялись тоже чистить картошку.

– Говорят, в роте будет совсем не сахар... – нарушил тишину Горохов.

– Да ебал я в рот, этих дедушек! Пускай только попробуют что-нибудь сделать мне! Ночью перережу их вонючие глотки! – с кавказским акцентом выругался Богаев – Умрут как последние собаки! Клянусь своей матушкой!

– Правильно, Мавлей! Так и надо! Надо держаться всем вместе, бороться за свои права, отстаивать! – поддержал его Андрей Жидких.

– Мы с братом друг друга в обиду не дадим! – добавил Виталий Жидких – Надо всем быть за одно. Вместе мы сила!

– Вы будете драться с ними? – удивился Горохов.

– Если понадобится, конечно, будем!

– Давайте договоримся, никого из наших в беде не бросать! Нас много и вместе мы сможем дать отпор дедам – добавил я.

– А ты уверен, что у нас будет возможность защитить друг друга? Они же могут нас и по одиночке... – не унимался Горохов.

– Но, мы же всегда будем в курсе, если что-то случится с кем-нибудь из наших товарищей! Так ведь, парни? Мы же не трусы! Мы сможем их наказать!

– Правильно говоришь, Женек! Все зависит от нас самих! Мы не затем с братом пришли в армию, чтобы прислуживать тут дедам!

– Да, нас наши родители не поймут, если мы будем тут унижаться перед дедами! Нам будет стыдно смотреть им в глаза.

– Значит договорились?

– Договорились! – солдаты единогласно поддержали мое предложение.

– Вот это я понимаю! – ерзал на стуле Горохов. – А то по отдельности они нам быстро кислород перекроют! Посмотреть только на Фадеева...

– А что Фадеев?

– Не хотел бы я попасть в одну роту с Фадеевым!

– Интересно, а в какой роте этот повар служит? – вспомнил я про неприятный случай в варочной пару часов тому назад.

– Ты имеешь в виду хлебoreза, который сегодня к тебе приставал? – посмотрел на меня Мальгин.

– Хлебoreза? Я думал это повар.

– Нет, это хлебoreз. Соколов из РТГО.

– Еще один Соколов?

– Да, они оба Соколовы.

– Почему он так меня невзлюбил?

– Да он ко всем так. Ты разве не понял, старослужащие... они со всеми молодыми так себя ведут!

– Что плохого я ему сделал? Какое ему дело до моих усов?

– Не бери в голову!

– Нам надо держаться вместе. Мне не нравится, когда со мной так обращаются. Если надо, я готов с ними драться.

– Я тоже готов! – улыбнулся Мальгин.

– И мы готовы!

– Пусть только тронут кого-нибудь из моих друзей! Зарежу! – поднял голову Богаев.

Так за разговорами о дедовщине, прошло еще несколько часов. Становилось еще холоднее, мы периодически вставали и разминались, пытались как-то согреться. Очень хотелось спать, но количество картошки все никак не уменьшалось.

– А куда потом все эти очистки девают? – поинтересовался я, чтобы поддержать разговор.

– Свиньям. На свиноферму нашу отвозят.

– А зачем вы тогда бросаете окурки свои сюда?

– Больше грязи – шире морда!

– Ну, вы даете...

– А картошка все никак не кончается – вздохнул Мальгин.

– А мы сейчас сделаем так – сказал Богаев и высыпал остатки картошки в ведро с очистками. Потом тщательно перемешал все это с остатками. Довольный собой он встал со скамейки и ушел мыть руки.

– Ну, раз всё, то надо будить дежурного и идти в роту.

– Теперь понятно, почему, когда дежурит сводная рота по столовой, пюре получается таким жидким.

– А ты думал, что они быстрее нас картошку чистят? – посмотрел на меня с недоумением Горохов.

– Ладно, не умничай, Горох! Пойдемте, наконец, в роту уже!

Было уже четыре часа ночи. Мы оказались одни на улице и даже в ночное время, когда кругом нет никого, солдаты не должны ходить, как им вздумается. Солдаты должны ходить только строем. А строй должен кто-то вести, поэтому еще минут пять мы потратили на пререкания, кто из нас главный и кто должен вести наряд в роту. Мне и Мальгину было все равно кто главный, хотелось поскорее упасть в койку и уснуть. Но другим почему-то обязательно нужно было продемонстрировать, что они выше остальных, показать свои амбиции, свои претензии на лидерство.

В пять часов утра все тот же молодой повар Соколов растолкал нас.

– Вставайте, уроды! – шепотом подгонял он нас.

Смертельная усталость сковала меня. Веки не слушались, руки опускались, а свинцовая голова так и тянула меня назад к подушке.

Совершив очередной подвиг во имя Родины, мы потащились в столовую. Теперь никто не спорил, кому вести солдат к столовой, кому командовать в этот раз. Засыпая на ходу, мы нехотя добрались до столовой. Мороз лишь на время взбодрил нас, придя на место, большинство солдат поспешило найти укромные места, чтобы вздремнуть еще какое-то время. Жесткие скамейки оказались не такими и жесткими для сна, на полу спалось не менее сладко, чем в армейской койке, а отсутствие подушки с лихвой компенсировалось толстым бушлатом.

Но поспать и десяти минут нам так и не удалось. Часть еще досматривала свои сны, на улице было темно, но в столовой уже вовсю шло приготовление пищи. Приближался завтрак, нужно было поднимать тяжелые кастрюли из варочной на второй этаж, помогать «залу» сервировать столы и разносить тарелки с хлебом и маслом. Повара упорно не хотели давать нам отдохнуть, придумывая все новую и новую работу для нас. Пол в коридоре был окончательно испачкан, и после короткой передышки на завтрак, я принялся снова натирать полотером плитку.

– Коридор! – в очередной раз донеслось из варочной.

Побросав тряпку и полотер, я поспешил в самую теплую и светлую комнату на территории всей части. Около входа за разделочным столом стоял Пешков. Не обратив на меня ника-

кого внимания, он продолжил ножом разделять сваренное мясо. Вырезанные куски сала он откладывал в сторону, мясо же, нисколько не церемонясь, рукой направлял себе в рот.

Помогая Мальгину перетаскивать очередную кастрюлю с одной плиты на другую, я продолжал украдкой поглядывать на начальника столовой. Пешков все также невозмутимо поедал солдатское мясо. Положив, очередной кусок себе в рот, Пешков обернулся в сторону поваров:

– Ну что, Сокол, я жду тебя у себя к одиннадцати. Две порции, смотри не опаздывай. А это вот – прапорщик ножом ткнул куски сала. – на обед.

Старший прапорщик удалился к себе в комнату.

– Чтобы ты сдох, убудок! – выругался про себя повар. – А вы что встали?! – заорал на нас Соколов. – Работы что ли нет?

Я вернулся к своему полотеру. Полы в армии моются не так как на гражданке. Берется обычное ведро и стругается в него очень мелко половинка хозяйственного мыла, заливается все это чуть-чуть водой на самом доньшке, после чего начинают переливать эту смесь из одного ведра в другое. Получается пена, целое ведро пены. Этой пеной обильно поливаются полы, и солдат начинает усиленно натирать плитку полотером, потом проходит полы еще раз тряпкой, смывая остатки пены. Так отмываются черточки от армейских сапог, коих за день в столовой после целого табуна кирзачей остается очень много. В бесконечном натирании полов и смывании тряпкой пены проходит весь наряд. На целые сутки солдату выдается только половинка мыла, которой не хватает на эти сотни квадратных метров полов. Пользоваться шваброй негласно запрещено, да и полотером не все черточки отмываются, поэтому большую часть времени солдат моет полы тряпкой, стоя на четвереньках.

Вымытые полы, покрытые глянцем от мыльной воды, и тщательно натертые полотером, блестели как купала Савинно – Сторожевского монастыря. Уставший, но довольный собой, я поспешил помочь Мальгину перенести большую кастрюлю чая на второй этаж. Приблизился обед, в раздаточной суетился Андрей Жидких, а его брат мыл полы в зале.

Поставив чай на стол в раздаточной, Мальгин вышел в зал и обратился к Виталию:

– Виталик, я что-то не понял, ты что «зал»? Разве ты не с братом на мойке?

– Да, я с братом, просто помогаю Мавлею.

В темном дальнем углу зала спиной к нам сидел рядовой Богаев. Услышав, что говорят про него, ингуш наклонил ниже голову, и сделал вид, что он ничего не слышит.

– Ничего не понимаю. А... – не находя слов, Мальгин указал рукой на Мавлея.

– Ну, видишь ли – Виталий стал говорить шепотом – он мусульманин, им Коран запрещает брать в руки тряпку, не мужское это дело.

– И что? – разозлился Мальгин. – А сало кушать Коран не запрещает?

– Ладно, не кипятись, Витек! – попытался успокоить Мальгина старший Жидких – Не кипятись! Я уберу за него, ничего со мной не случится.

– Коридор! Варочный! – донеслось с первого этажа.

– Пошли, Вить, нас зовут! – позвал я Мальгина.

Витя недовольно вздохнул и пошел со мной по лестнице вниз. Видеть его расстроенным или злым было большой редкостью. Неунывающий Мальгин всегда излучал оптимизм и жизнерадостное восприятие жизни. Он был одного возраста со мной, попал в армию после сельскохозяйственного института, не косил и не бегал от службы, он просто хотел служить в армии, потому что считал, что через это должен пройти любой уважающий себя мужчина. До службы он усиленно занимался гиревым спортом, о чем красноречиво говорили его бицепсы и фигура.

По лестнице нам на встречу поднимался хлеборез:

– За мной – работа есть!

Соколов отвел нас в свою комнату, которая находилась напротив раздаточной. В ней стояли тележки с черным хлебом и холодильник, в котором хлеборез хранил масло. На столах

стояли подносы с тарелками нарезанного черного хлеба и пайками маслами. В каждой тарелке лежало по четыре пайки сливочного масла, по одной на каждого солдата.

– Берите подносы и расставляйте пока хлеб по столам. – указал нам Соколов.

Хлеборез открыл потрескавшиеся от времени деревянные ставни окна, выходящего в зал, и мы с Мальгиным принялись разносить хлеб, помогая готовить зал к приему солдат. Через свое окно Соколов подавал хлеб и масло, мы расставляли его по столам. В окна зала через сиротливые ветви деревьев без труда пробивался яркий свет зимнего солнца. После нескольких часов подряд проведенных на холодном полу коридора первого этажа, было приятно оказаться под теплыми лучами солнца. С минуты на минуту должны были прийти первые солдаты. Богаев все также продолжал обиженно сидел в стороне.

– Вот эти тарелки поставись вон на се столы – указал рукой Соколов на столы, которые располагались вдоль окон.

Получив из рук хлебореза очередную тарелку с маслом, я был удивлен количеством паек масла в ней:

– Э... А, тут масла, кажется, больше чем надо...

– Сиво?! – посмотрел на меня злобно хлеборез. – Не твое собасье дело! Завали свой ебальник и неси!

Такое грубое общение все еще было непривычно для меня, но чем больше я находился в армии, тем больше замечал, что военные, особенно солдаты, очень озлоблены, на них на всех давят их начальники, они в свою очередь отыгрываются на своих подчиненных. И такое общение было нормой для большинства. Все распоряжения в армии сопровождаются криками и матом. Каждый солдат пытается утвердиться в коллективе, в своем окружении, и делает он это за счет других, унижая и оскорбляя своих товарищей при любой возможности. Солдат, рядовой, при любом удобном случае, пытается командовать другими. А старослужащие считают за правило, что все молодые солдаты являются их подчиненными.

Быстро пообедав, наш суточный наряд вышел на финишную прямую. Теперь нужно было подготовиться к сдаче наряда. Последний бросок, последняя уборка. Еще раз все заново перемыть, протереть, расставить по своим местам, проверить инвентарь. Помыть полы нужно было так подгадать, чтобы к моменту прихода нового суточного наряда они еще не успели высохнуть, чтобы они блестели и принимающие не могли ни к чему придраться.

В шесть часов вечера в коридоре появился солдат сводной роты рядовой Дерендяев. С расслабленным ремнем на талии и обрезанными сапогами с болтавшимися по-пижонски хлястиками, он уверенной походкой прошелся по плитке, которую я только что помыл:

– Ну что, солдат – обратился он ко мне. – так не пойдет! Перемывай все!

– Но я только что помыл... – растерянно посмотрел я на него, вставая с колен. – Все чисто.

– А меня не ебет! Я не приму наряд, пока тут не будет полного порядка!

– Но тут и так все чисто...

– А это что? – провел Дерендяев по стене пальцем. – Видишь, какая грязь?

Рядовой Дерендяев приподнял тяжелую тумбочку, стоявшую в темном закутке коридора, указав мне на пыль, которая была под ней. После чего, он принялся мне указывать на каждую черточку на плитке, приговаривая:

– А это? И вот! Да меня не ебет, что ты мыл! Заново все перемывай! Не приму наряд, пока все не помоешь!

– Но тут чисто! Это вообще не грязь, а просто трещина на плите. А этот след не отмывается, этой плитке тысячу лет, ее менять давно пора! – пытался я возразить.

– Не понял! – повысил солдат голос – Ты че, солдат? Ты со мной еще спорить будешь? Совсем духи оборзели!

В коридоре появился пьяный начальник столовой:

– А! Давай, Дерендяй, задрочивай его! Проверяй все, а то тебе придется все это мыть самому! А ты, солдат – посмотрел Пешков на меня – давай пошевеливайся! Нужно было раньше головой думать и все тут отпидорить заранее, а не бегать на второй этаж жрать перловку!

– Но я... – хотел было возразить я начальнику столовой, но Пешков не стал слушать меня, а пошел дальше в свою комнату.

– Понял, солдат? – добавил Дерендяев – Все тут помоешь снова, потом отмоешь ведро и тряпку обязательно помоешь. Я приду и проверю. А пока я буду на втором этаже. Свистнешь, как закончишь!

Это было похоже на какой-то заговор, на какое-то специальное наказание для молодых солдат. Как будто всем командирам было выгодно натравливать солдат друг на друга.

Расстроено вздохнув, я принялся снова мыть полы. Каждый солдат ходил в наряд регулярно, потому каждому солдату приходилось регулярно принимать и сдавать наряд, каждый раз ругаясь, придираясь к другому солдату или посылая его на три буквы. В таких перебранках солдаты совершенствовались, оттачивали свое мастерство в армейской брани. Сегодня ты сдаешь наряд и к тебе придираются и не отпускают в роту, завтра также и ты будешь придираешься к солдату, чтобы в наряде как можно меньше убираться.

К счастью, в семь часов принимающий наряд солдат отпустил меня, и я уставший ушел в роту.

На ужин была в очередной раз костлявая рыбка навага и пюре, из нашей вчерашней картошки. Сидя за столом, мы обсуждали еще один прожитый в армии день.

– Ну, как тебе наряд по столовой? – посмеивался надо мной Рылевич, видя как я устал.

– У меня руки отваливаются, спина жутко болит – показал я Мишке свои мозоли на руках.

– Это еще ерунда. Вон, когда я ходил в наряд, у нас Терентьева этот дикий прапор залил. Сорок ведер воды ему вылил в зал. А потом еще заставил в противогазе бегать по всей столовой.

– У нас, слава богу, ничего такого не было – вставил младший Жидких.

– Хоть покушал нормально, первый раз за все это время – выдавил я из себя, отодвигая в сторону тарелку.

– Да уж – добавил Андрей Жидких – столько вчера после ужина съели, что до сих пор не могу отойти.

– Помыться бы теперь! Сутки почти полы мыл, весь грязный, уставший. – сказал я.

– Терпи солдат. Теперь только в следующую субботу помоешься. – ответил мне Рылевич.

– А разве в роте нельзя мыться? У нас же есть там душ.

– Это только для старослужащих. – ответил мне Миша, поглядев в сторону Володина.

– Отставить прием пищи! – прокричал в ответ младший сержант и встал из-за стола, чтобы отвести солдат обратно в казарму.

Высокий, темноволосый офицер с кобурой на поясе пружинистой ковбойской походкой подошел к массивной железной двери. Капитан недоверчиво посмотрел в нашу сторону.

– Стойте здесь! – обратился он к нам, доставая ключи из кармана.

В коридоре штаба было невыносимо душно. То и дело мимо проходили офицеры, заставляя нас выпрямляться и козырять. Облокотившись на стену мы ждали. Синяя краска на стенах облупилась, то тут, то там из-под нее виднелась бетонная стена и можно было прочесть надпись карандашом «ДМБ-99». Рядом стоял стол, в стене над столом было специальное отверстие, куда вставлялось дуло автомата при перезарядке.

Втроем с Широковым и Володиным мы ожидали офицера возле оружейной комнаты штаба. Сегодня нам предстояло получить для роты долгожданные автоматы. Трех автоматов АКМ было недостаточно, чтобы обеспечить оружием каждого солдата в роте, но хватало, чтобы научить нас собирать и разбирать автомат на отдельные части.

– Беспалов, ремень подтяни! – сделал мне замечание Володин – И ты, Широков, тоже!

– Держите! – вынес офицер автоматы Калашникова. – Они, конечно, шестидесятых годов, но чтобы потренироваться сгодится. Хотя нет, вот этот, кажется, семьдесят четвертого года. – мрачно произнес военный.

Офицер перевернул оружие цевьем вниз и посмотрел на клейменье на прикладе.

– Точно, вот этот один из самых новых в нашей части. Держите! А, ты, Володин, тут распишись! – переписав номера всех автоматов, капитан расписался сам и указал сержанту место для росписи. – Володин, перед сдачей почистите оружие. Иначе не приму. Ты меня понял?

– Так точно, товарищ капитан! Товарищ капитан, а вы не знаете, скоро мы поедem на стрельбы?

– А тебе зачем, Володя? Ты что воевать собрался?

– Ха-ха! Ну, так просто... – улыбался Володин. – Скоро?

– Скоро... – все также мрачно отвечал офицер.

Мы повесили на свои плечи автоматы, которые оказались неожиданно тяжелыми. Каждому хотелось себя почувствовать настоящим военным с настоящим оружием. Какой мальчишка в детстве не играл в «войнушку», какой мальчишка в детстве не мечтал пострелять из настоящего автомата? Сбылось! Вот оно! Я не просто в армии, не просто в военной форме, но и с оружием в руках!

– Стоять! Куда пошли? Кто давал команду? Кто так оружие носит?! – набросился на нас Володин. – Сюда идите! Автомат вот так носится! Вот так! Ремешок нужно натянуть и вот здесь закрепить! Учитесь! Давайте, шагом марш!

В сопровождении младшего сержанта Володина мы прибыли в учебный класс казармы, где на протяжении нескольких часов весь взвод по очереди тренировался собирать и разбирать автомат Калашникова. Вскоре большинству солдат эта процедура надоела, солдаты молча сидели в сторонке, безучастно поглядывая на рядовых Перепелкина, Воробьева, Виноградова и Сеницына, которые на перегонки продолжали терзать старенькие автоматы.

– Окончить занятие! – скомандовал Володин. – Расселись все по своим местам!

– И все-таки я быстрее! Ровно десять секунд! – пробубнил Перепелкин своим товарищам, возвращаясь на свое место за партой.

– Быстрее рассаживайтесь! – начал сержант. – Ну как, у всех получается?

– Да... Ничего сложного... – понеслось с разных сторон. – А когда мы сможем пострелять из них?

– Скоро. До призыва по идее должны Вас свозить на стрельбище. А потом забудете об оружии до самого дембеля. Если повезет, то может быть пару раз за время службы дадут вам пострелять. Хотя на вряд ли...

– А что так? – снова раздался гнусавый бас Перепелкина.

– А что вы так на меня уставились? – стоял Володин, вальяжно облокотившись на стол. – Ваше оружие метла и лопата! А еще половая тряпка! Вы уже узнали, как моются полы в армии?

– Ну, да, пеной... С полотером и на карачках... – отвечал за всех Воробьев.

– Нет, вы еще не знаете, как они по-настоящему моются! Вас просто жалеют, потому, что вы еще молодые, присягу не приняли. Ну, ничего, подождите! Вот присягу примите и увидите, как офицеры сядут вам на шею! Только и будете, что работать с утра до вечера! Вам жизнь в РМП после этого раем покажется!

Солдаты примолкли.

– И что так, до самого дембеля, что ли, убирать снег и мыть полы?

– Ну, почему же! У вас есть выбор. Вы можете жить по уставу и тогда вас будут заебывать уборкой, заправкой постелей и прочими работами до самого дембеля, а можете жить по дедовщине, как я. Вот посмотрите на меня, никто не может меня заставить взять в руки тряпку или лопату.

– Ну, вы же сержант! – возразил Воробьев.

– А звание тут не причем! Даже если меня разжалуют в рядовые, я все равно уже в руки тряпку не возьму и работать не будут. Я свое уже отпахал, отлетал я свое.

– А как же офицеры? Ротный может? Он же может Вас заставить работать?

– Нет.

– Как так?

– Просто! Негласное соглашение. Понимаете? Если вы думаете, что офицеры хотят, чтобы все было по Уставу, то ошибаетесь! Все офицеры негласно поддерживают дедовщину.

– И даже Дема?

– Дема? Дема – это отдельная история! Дема у себя в роте сам первый дедушка. Правда, он больной на голову. Он как-то с моста упал... головой вниз... Все мозги себе отшиб. Не хотел бы я оказаться у него в роте. Вот кто попадет в нашу роту, в РТГО, тому считайте, повезло. У нас совсем другие порядки. У себя в роте я могу днем валяться на кровати, могу смотреть телек в любое время, кушать, когда захочу, могу носить под формой теплую одежду. Да много чего еще такого. И служба идет совсем ненапряжно. Не жизнь, а малина!

– Вот здорово! – заулыбался рядовой Вилюм. – Не то, что мы тут, только и делаем, что убираем снег, да полосы эти дурацкие на кроватях равняем! Задолбал уже этот кантик!

– Ну, вы же понимаете, что ничего в жизни просто так не бывает? Сначала, конечно, вам придется помыть полы, полетать немного духами. Но потом заживете припеваючи. Полгода духом отлетать – это не так страшно, как до дембеля по уставу заебываться.

– Во-во! – протянул с первой парты Воробьев.

– Ну, так как? Как служить будем, парни? По уставу или дедовщине? Кто за дедовщину? Кто хочет жить по дедовщине, кто хочет жить в армии по-человечески, поднимите руки!

Большая часть роты, недолго думая, подняла руки. Оставшись в меньшинстве солдаты немного поколебались и потом тоже подняли руки. Все понимали, что перед ним стоит не просто сержант, а их будущий дедушка, с которым предстоит жить некоторое время в роте. От этого сержанта зависело очень многое в нашей повседневной жизни. Ссориться с ним, идти против течения никто не хотел.

– Ну, вот и молодцы! – потер свои руки Володин. – Нет, вы можете отказаться. Я же вас не заставляю жить по дедовщине. А то, побежите потом жаловаться Павлюку, скажите ему, что, мол, я заставляю Вас служить по дедовщине. Я вас не заставляю, вы сделали свой собственный выбор. Вот офицеры и армейский устав заставляют вас, не оставляя вам никого выбора в жизни, а я его вам предоставляю. Будите соблюдать определенные правила, и ближайшие полгода пролетят очень быстро и незаметно. А потом быстро черпанётесь и жить станет намного легче. А когда вас дедуют...

Дверь в комнату медленно отворилась, и в нее зашел капитан Демьянов.

– Смирно! – скомандовал Володин.

Солдаты встали по стойке «Смирно» и замерли.

– Что делаешь, Володин?

– Провожу занятия, товарищ капитан. Присягу учим.

– Понятно. Смотрите солдаты, учите присягу наизусть. Кто к завтрашнему дню не сдаст Володину присягу, будет иметь разговор со мной. Всем ясно?

– Так точно! – дружно ответило взвод.

– Продолжай, Володин!

Окинув суровым взглядом присутствовавших, капитан удалился.

– Садись! Открыли тетрадки и начинаем учить присягу – продолжал Володин.

Солдаты, сопя носами, принялись учить три предложения текста присяги. Тянулись минуты. Володин, развалившись в стуле, не знал чем себя занять. Через некоторое время он достал из кармана четки и стал их крутить вокруг пальца. Наигравшись вдоволь четками, он достал календарь и стал считать дни до дембеля. Оставалось служить чуть меньше года. Первый год службы всегда пролетает очень быстро. Напротив, второй тянется бесконечно долго. Володин все еще был черепом, но уже стал сержантом, поэтому мог не думать о дедушках в своей роте. По возвращению в свою роту, его должны были дедовать. Молодые солдаты об этом не знали, полагая, что он уже дедушка.

Денис Володин свое уже отлетал. Осенний призыв уволился, ни оставив в части больше ни одного старослужащего, который мог бы издеваться над Володиным. Ему предстояло пожинать плоды дедовщины. Теперь он сможет пожить в свое удовольствие! Маленькие глазки сержанта заморгали, взгляд быстро начал перемещаться с одного солдата на другого. Володин карандашом записал что-то в своем маленьком блокноте.

– Ну что, кто-нибудь готов сдавать присягу? – наконец, обратился он к солдатам.

Солдаты молчали, еще больше склонив головы, как делают школьники, неготовые к урокам.

– Учтите, до присяги осталось меньше недели! Мне все равно, как вы будете читать присягу: наизусть или по бумажке. Но Вам должно быть не все равно. Вам принимать присягу. Вы будете там стоять на плацу перед вашими родственниками, перед своими родителями, перед своими девчонками и позориться! Ну, что неужели до сих пор никто не выучил текст?

Солдаты молчали, опустив виновато глаза.

– Володя, а ты что сидишь? – заглянул в дверь младший сержант Попов.

– А что? – обернулся Володин в сторону своего друга.

– Пошли жрать! Фадей пришел.

– А Дема?

– Дема свалил. С КПП звонили, его нет в части.

– Так, что за разговоры! – встал сержант из-за стола. – Что Вы все так оживились?! Всем сидеть и учить присягу. Приду – проверю!

Дверь за сержантами захлопнулась, и солдаты тут же побросали свои тетради и начали живо обсуждать слова Володина. Никто не хотел дедовщины, все боялись дедов, но также все понимали, что дедовщина неизбежна. Еще недавно казалось, что никакой дедовщины в части нет. Со стороны сержантов, мы не видели никаких проявлений неуставных отношений. Никто не называл нас духами, даже само слово «дедовщина» казалось было под большим запретом. Все, что происходило в роте было в рамках Устава, строго по Закону. Большинство солдат не понимало, зачем нужна эта дедовщина и что это за зверь такой, о котором все только и говорят, но никто не видел в глаза. Чем страшен этот зверь? Почему нельзя служить в армии все время также как сейчас, как в РМП?

Спереди сидела небольшая группа солдат, одна из многих кампаний, которые уже успели сформироваться за этот короткий срок в роте молодого пополнения.

– Вот, и мы также будем когда-нибудь. Отлетаем свое, и будем себе спокойно кушать в любое время, когда захотим... – мечтательно произнес Захаров.

– Сволочи, сами сейчас жрут, а нам не дают нормально поесть в столовой, все время подгоняют! – возмущался Воробьев.

– А тебе, что, Воробьей, не хватает? Ты что нехват, что ли? – пробубнил рядовой Ягодка.

– Завали свой поганый ебальник! Сам нехват!

– Да, блядь, ты своими слюнями сейчас всю комнату забрызгаешь, нехват!

– Щас у меня в организм получишь! – угрожающе приподнялся с места Воробьев.

– Эй, хорош Вам! – вмешался Перепелкин. – Успокойтесь, Орлы! Лучше подумайте, как быстрее черпануться!

– Да, что тут думать! – махнул рукой Захаров – Быстрее огребем своих улюлей, быстрее черпанемся!

На протяжении получаса мы были предоставлены себе. Это был не первый случай обсуждения дедовщины. Дедовщина была основной темой бесед молодых солдат в любое время. До сегодняшнего дня мы никогда не слышали от сержантов, чтобы они что-то говорили про дедов, про духов, про черпание. В нашем представлении дедовщина была чем-то ужасным, какой-то мясорубкой для молодых солдат. Рота, куда нас должны были перевести после призыва, казалась нам адом, где нас с утра до вечера только что и будут делать, как бить, прокачивать, заставлять делать всякие унижительные вещи. Большинство солдат были настроены негативно по отношению к дедовщине. Но страх перед дедами был сильнее любого чувства собственного достоинства. Кто-то еще надеялся на поддержку товарищей, на армейское братство, но появились и такие, кто понимал, что самый лучший выход, это подружиться с дедушками, выслужиться перед ними. Мы не знали, кто такие дедушки, как они выглядят, чем именно они так страшны, но догадывались, что Володин, Попов и Фадеев и есть наши будущие дедушки.

Каждый раз, когда солдат получал посылку из дома, предварительно вскрытую старшиной, он доставал оттуда все деликатесы и нес их в первую очередь сержантам. Колбаса и сало, которыми сержанты иногда угощали солдат в столовой, были как раз из этих посылок. Особенно старались выслужиться перед сержантами наши ингуши. Хасан и Мавлей чуть ли не каждый вечер с сержантами ходили в чипок, как военные называли небольшой магазинчик, который находился за пределами части в военном городке. Оттуда ингуши регулярно приносили большие пакеты с едой для сержантов.

До сегодняшнего дня дедовщину просто боялись. Но после слов Володина, многие солдаты увидели в дедовщине также и возможность в скором времени избавиться себя от тяжелых армейских обязанностей.

С каждым днем количество работы для солдат увеличивалось. Свободного времени становилось все меньше и меньше, занятия по Уставу стали большой редкостью. Осталась только ненавистная всеми молодыми солдатами строевая подготовка. Нас стали ставить в наряды не только по роте, но и в наряды, в которые ходили все солдаты части. Теперь каждые три дня солдаты роты молодого пополнения заступали в различные наряды. Каждый наряд длился по двадцать четыре часа, из которых в лучшем случае удавалось поспать только четыре, все же остальное время отводилось на уборку, независимо от того, что это был за наряд: наряд дневальным по роте, рабочим в столовой, дневальным по КПП или наряд в шестое отделение. Все меньше и меньше мы видели в армии военное начало. Все меньше и меньше мы чувствовали себя настоящими военными и солдатами. Все больше и больше мы чувствовали себя крепостными, у которых есть только одно право и обязанность в жизни – это работа. И самой унижительной и тяжелой работой в армии оказалась постоянная уборка. Солдаты должны каждый день с утра до вечера следить за порядком в части: равнять кровати, убираться в казарме, убирать снег на территории, мыть посуду в столовой и неустанно следить, чтобы при этом внешний вид соответствовал уставу, чтобы был чистый подворотничок, бритый затылок и начищенные до блеска армейские сапоги и бляха. В любой момент, офицер или сержант могли тебе сделать замечание за ненадлежащий внешний вид и наградить нарядом на работы вне очереди. Иллюзии первых дней о том, что мы будем в армии служить родине улетучились. Теперь каждый из нас понимал, что в армии мы просто обслуживающий персонал у офицеров, бесправный и поставленный в положение рабов. Теперь все мы хотели только одного, чтобы это все поскорее закончилось.

Среда. И снова занятия по радиационно-химической и биологической защите. Занятия по РХБЗ всегда проходили на плацу перед разводами. Тут мы на время тренировались одевать противогаз. Резиновый день, как его прозвали солдаты, ничем особенным не отличался от остальных дней в армии, кроме необходимости всюду таскать с собой сумку с противогазом.

После развода всю роту молодого пополнения направили в казарму. Здесь ротный выдал всем старые рюкзаки песочного цвета с зелеными резиновыми химкостюмами внутри. Потратив три часа на подписание рюкзаков и устранение недостатков комплектности наборов, под руководством ротного мы принялись тренировать одевание костюма на время.

– Плащ в рукав! Чулки, перчатки надеть! Газы! – командовал Демьянов.

Рота принялась быстро разворачивать свои костюмы. Путаясь в завязках и креплениях, молодые солдаты неумело одевали костюмы. Ротный нервничал и заставлял нас снова все складываться в рюкзак и повторять процедуру.

– Попов, покажи бойцам, как правильно одевать костюм! – устав смотреть на наши мучения, произнес капитан.

Еще полчаса сержант показывал на своем примере, как можно быстро одевать химкостюм и при этом не запутаться в его многочисленных завязках. После чего всю роту выгнали на улицу учиться ходить строем. Нас готовили к присяге, которая должна была состояться 22 декабря 2002 года. Оставались считанные дни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.